

Татьяна Вячеславовна Иванько
Говорит и показывает. Книга 3
Серия «Говорит и показывает», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51565548

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-93252-4

Аннотация

Прошло двадцать лет, весь мир переменялся, стали иным даже язык, люди не выпускают их рук электронные устройства, всё переменялось, но всё осталось прежним. Дети стали взрослыми, и каждый из них начинают уже свою, новую историю, чья окажется счастливой и светлой, а чья печальной?.. Старые узлы затягиваются с новой непреодолимой силой. Испытания и потери продолжаются, что можно преодолеть, на что закрыть глаза, что простить, а что навсегда останется неизменным. Неожиданные встречи с теми, кого давно потеряли, но не забыли, и с теми, кого никогда не знали. Новые горизонты, научный поиск, объединяющий всех героев в крепкую команду, разорвут ли её и заодно разрушит их жизни вмешательство извне или напряжение изнутри?

Как оставаться самим собой в мире вечного противостояния мира и человека? И куда это приведёт...

Содержание

Часть 19	4
Глава 1. Сны	4
Глава 2. Мать	26
Глава 3. Буря в стакане воды	38
Глава 4. Ссоры, кровь, телевидение и капли терпения	52
Глава 5. Невозможное	72
Часть 20	86
Глава 1. Брат?	86
Глава 2. Искорки	101
Глава 3. Необходимость	113
Глава 4. Старые друзья	123
Глава 5. Гнев	136
Часть 21	151
Глава 1. Магнус и победитель	151
Глава 2. Антанта	166
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Татьяна Иванько

Говорит и показывает. Книга 3

Часть 19

Глава 1. Сны

Этот сон снился мне почти неизменным уже пятнадцать лет. Нечасто, и нерегулярно, то каждую неделю, то не возвращался целый год или два. И всякий раз я просыпалась всё с тем же алым маком, раскрывшимся в моей груди, горячим, ярким, жаром, растекающимся до кончиков пальцев, а иногда мне кажется, что до самых кончиков волос.

Проснувшись из-за него, я полежала некоторое время, дожидаясь, пока жар, вызванный сном, стечёт с меня, и думая, почему Вася мне снится таким, каким я никогда его не видела?..

Я закрыла глаза снова, чтобы опять увидеть его, услышать его голос... Но нет, канал связи закрылся, теперь я буду только вспоминать и думать...

Я прислушалась к ровному дыханию Вальтера, он посапы-

вает во сне, а бывает, и храпит из-за сломанного дважды носа, так и не обратился исправить, терпеть не может лечиться:

– Предпочитаю оставаться по эту сторону! – не раз говорил он, смеясь, глотая горстями аспирин при каком-нибудь ОРЗ, и отправляясь на работу. Как ни странно, эта тактика срабатывала, на моей памяти он ни разу не разболелся по настоящему.

Но как-то он признался, глотая очередную горсть аспиринов и запивая каким-то шипучим лекарством:

– Просто я боюсь превратиться в ипохондрика, – он поморщился и отвращением поглядел в стакан. – Это так легко.

Я рассмеялась на это, кем угодно, но ипохондриком его представить невозможно.

– Напрасно ты смеёшься, – серьёзно сказал он. – Однажды в детстве я им стал, еле вышел из этого...

– Не может этого быть, не сочиняй! – сказала я.

А Вальтер допил свой адский коктейль и продолжил:

– Очень даже может! Я попал в больницу с гландами, мне было лет... не помню, восемь... или, может быть, шесть. Вначале я болел дома, была и температура и всё прочее, как положено, все суетились вокруг меня, обожали, смотрели испуганно, выполняли все желания, может быть потому, что я до того не болел... Мне это понравилось, – он улыбнулся. – И вдруг я опять стал здоров, и всё, все опять стали как были, я снова не был пупом земли. Я стал прислушиваться к своим ощущениям, заглядывал в горло, высовывая язык до самого

пояса, измерял температуру каждые полчаса, лежал в кровати, печально глядя в потолок и чувствовал, что я умираю, но почему-то никто не замечает этого и даже не придаёт значения моим «грозным симптомам». Тогда и положили в больницу, собирались удалить миндалины... – он засмеялся. – Во-от там-то я и излечился навсегда, в первые же дни нагнав себя на то, как чувствовали себя прооперированные.

Он, улыбаясь, посмотрел на меня и добавил:

– Так что я теперь этой глупой ипохондрии боюсь больше любой болезни.

Так и остался сломанным нос, и я слушала каждый раз, когда он засыпал, привычную спокойную мелодию. Но сейчас она не успокаивала меня. Я поднялась, надо отогнать остатки странного сна...

А вернее... Я не хотела их отгонять, я хотела ещё подумать, повспоминать его, и сон, и Васю, такого сильного, сияющего...

Я ничего не знаю о нём все эти годы, уже скоро двадцать лет. С тех пор, как я отказала я ему в своей руке уже на свадьбе, я больше никогда не видела его. Вернее, я теперь видела его только во сне...

Я пришла на кухню, пол холодил босые ноги, скоро май, совсем как тот, что мне снится... В открытую форточку вливался холодный воздух, он казался густым, и будто касался моей кожи, обхватывая ледяными руками мои колени, прижимаясь водянистым телом. Снег на улицах уже сошёл, но

зима ещё выдыхает, пощипывает исподволь весну этими ледяными ночами.

Я нажала выключатель. Свет залил нашу просторную кухню, посверкивают красивые плоски, половники. Агнесса Илларионовна отлично следит за чистотой на кухне. В своих комнатах мы убираем сами, я ввела это за правило для детей, ещё когда им было по 9-10 лет, и сама не хотела превращаться в барыню, и забывать, что такое обычная домашняя работа. Хватает того, что я почти не готовлю.

Но Агнесса моя большая помощница и относится ко мне... да, пожалуй, и с любовью. Она всю жизнь была одинока, детей не имела и привязалась в своё время к Юргенсам, но по-настоящему, сердечно, она стала относиться к нашей семье, когда в ней появилась я и дети. Это происходило постепенно, она будто оттаивала, всё теплее становился её взгляд, который я ловила на себе, и всё чаще скуластое лицо освещала улыбка.

А несколько лет назад она рассказала мне настоящую историю своей жизни, которую никогда не слышали немного высокомерные Марта Макаровна и Вальтер. Оказалось, что в действительности её зовут Бабенюр Шарафутдиновна и фамилия её была совсем уже непроизносимая. Она выросла в семье своего дяди под Уфой и в пятнадцать попала в колонию для несовершеннолетних.

– С плохой компанией связалась, – улыбнулась Бабенюр-Агнесса, собирая лицо в сухие складки. – Влюбилась...

воровали мы по мелочи, ларьки грабили сигаретные, галантерею, гастроном... Ну и... – она вздохнула, опуская чудные тёмно-серые глаза. – Альберта моего убили в зоне. Он старше был, уже на взрослую зону попал. Вышла я. К дяде не пошла уже, не хотела пятном на них оставаться, и так... Вот и рванула в Москву. Паспорт купила, связи-то появились, сами понимаете... Вот и стала Агнессой Илларионовной Савицкой, – она взглянула бочком лукаво. – Прям... умора, какая я Агнесса? Но живу уж пятьдесят лет почти что.

Она и в домработницы попала случайно, «не думала даже об этом». Приехала в Москву и первое время работала в метрострое. Но заболела и...

– В больнице-то и познакомилась с Мартой Макаровой. Она навещала свою мать. Я услышала их разговор, что новая квартира, большая, что она, хозяйка, занята всё время на работе, и времени и сил на домашнее хозяйство не хватает. Меня как тукнет, я возьми и спроси: может, вам помощница нужна?.. Ну и... и комнату помогли мне в коммунальной получить, прописка уж была. Но домашняя работа – это не метро рыть... Я прям вздохнула, хоть из-под земли выбралась. Никогда не обижали меня. Готовить я всегда любила и получалось всегда... Вальтер школьник уж был. Классе в четвёртом учился. Да, в четвёртом... десять лет ему было. Хороший был пацан всегда, не барчук. Да... И отец его, секретный академик. Такой секретный, што я до сих пор и не знаю, где ж он работал. Даже награды и те в сейфе прятал.

ли... Говорили, сидел тоже, но никогда вслух не обсуждали. У него, между прочим, была семья до Марты. Фотографии до сих пор лежат, в шкатулке. Там сын его, жена первая... Не знаю, может умерли... Марта знает, он не скрывал, но я не спрашивала никогда.

Не знаю, почему я вспомнила сейчас об этом, разглядывая сияющую чистотой кухню. Если бы не Агнесса, я никогда бы такой чистоты не добилась. Да и такого уюта в доме тоже. Я долго обживала его. Отторгая, не оставаясь будто насовсем. Но сближение с Агнессой и к дому помогло привыкнуть. Тогда и мебель мы сменили, и двери, и светильники... да всё. Марта Макаровна с удовольствием наблюдала преобразования, полностью изменившие её квартиру.

– Вы не обижаетесь? – спросила я.

На что она улыбнулась и даже приобняла меня:

– Напротив, Маюша, я очень рада, что ты, наконец, захотела считать этот дом своим. Я всё боялась, что ты вот-вот всё бросишь и сбежишь. Будто ты только на время зашла, и ждёшь момента улизнуть, – сказав последние слова, она пристально посмотрела на меня.

Нельзя сказать, что она так уж ошибалась в этом. Именно так. Именно так, я несколько лет только и думала об этом, как бы улизнуть, уйти и прекратить эту двойную жизнь. Я так надеялась, что Таня, наконец, перетянет Вальтера к себе, что, наконец, он поймёт, что... Не знаю, чего я хотела. И продолжаю хотеть, но все мои попытки убедить его отпу-

ститъ меня, наталкивались всё на то же: я могу уйти только одна.

И я привыкла. Как и все мы привыкли к тому, что мы живём странной жизнью. Странной семьёй. Только на первый взгляд мы были семьёй самой обычной. Я не знаю и никогда не интересовалась, сколько побочных связей имел мой муж, но уверена, что немало. Однако, это почему-то не отвлекало его от меня. Напротив, придавало какой-то ярости его страсти. И парадоксальным образом будто подогревало его любовь. Ещё и поэтому я не могу уйти.

А может быть... потому что тоже люблю его? Сложно не любить того, кто любит тебя. Почти невозможно.

И это чувствует и понимает Ю-Ю. И терзается этим и временами терзает меня. Как и Вальтер. И это тоже стало привычным. И упрёки, и вспышки гневной ревности, ультиматумы и требования. Особенно, если ко всему примешивался алкоголь, что тоже случалось. Тогда и посуда билась, ломались стулья, и громогласные вопли сотрясали наш дом. Наш дом на Кутузовском. И наш дом в Товарищеском...

Пока дети были маленькими наши с Ю-Ю свидания были частыми и дети ничем нас не стесняли, но они росли и всё становилось сложнее. И моя жизнь стала не двойной, а уже тройной. Дядя Илья должен был оставаться для них дядей Ильёй. Поэтому мне намного сложнее стало находить время для наших встреч. Но я находила это время. Без Ю-Ю я не могла жить. Не могла и не могу, не смогу никогда. Хотя и он

бесился и сводил меня с ума. Ревность и требования немедленно всё прекратить не иссякали. И тоже битьё посуды, расшвыривание мебели, обиды, упрёки, даже слёзы...

Сколько любви, столько и терпения было в моей жизни. Но чем старше становились дети, тем сложнее было вести эту двойную жизнь. Они всё начинают понимать, вернее не понимать, но чувствовать, что всё не так просто и стандартно происходит в нашей семье.

Лариса начала дерзить, то ли от сложного возраста, то ли нервничает в связи с поступлением в институт, весь этот кошмар с репетиторами и подготовкой к ЕГЭ. Но то же переживает и Саша, но он, напротив, спокоен и рассудителен. Они всегда были очень разными, как инь и ян. Она – эмоциональная, вспыльчивая, лабильная, настоящий холерик, но не Саша, похоже, всё спокойствие и самообладание, отпущенное им на двоих, досталось ему. Как и способности. Поэтому они и учились в одном классе, хотя Саша на год моложе. И заканчивали вместе, и поступать намеревались тоже вместе. Почти как близнецы.

Вопрос с выбором профессии встал года три назад, Вальтер был категоричен, когда ребята, после того как с самого детства намеревались идти по нашим стопам, вдруг начали высказывать сомнения, вернее Лара сомневалась вслух, а Саша молчал, но я чувствовала сомнения и в нём.

– Послушайте, – сказала я тогда. – Если вы не чувствуете настоящего влечения к этому делу, не надо идти в медицину.

Но Вальтер вспыхнул:

– Ну вот ещё! Договорилась, либералка! И думать не смейте ни о чём другом! Все врачи в семье, вы фокусничать станете?! В менеджеры, может, пойдёте?! Или продавцами в автосалон? Ах, нет, в модели, должно быть!.. – почти вскричал он, взмахнув большими руками. Когда он сердится, он кажется ещё больше, чем есть.

Я обернулась к нему, взглянула в глаза, я знаю, он поймёт, что я прошу его дать мне сказать и не сердиться раньше времени. Он встретил мой взгляд, его лицо сыграло: «Ну, попробуй, конечно, но учти, я останусь при своём мнении».

– Вот что я вам скажу, мои дорогие. Только одно, – надо сделать паузу, чтобы напряжением усилить эффект от слов, которые намереваюсь сказать. – Только одно: в эту профессию надо идти только с одной мыслью и намерением: помогать людям. Если вы думаете о чём-то другом, это не ваш путь, и он тогда причинит только страдания вам и всем, кто вам попадётся в руки... А теперь думайте. Полгода мы с папой вам даём.

Мы с Вальтером вышли из их комнаты, где они проводили время днём, расходясь на ночь по разным спальням, и Вальтер обернулся ко мне, подождав, пока я закрою дверь.

– Ты... Правда думаешь то, что сказала им? – очень тихо спросил он, пронизывая меня взглядом.

– Я всегда говорю то, что думаю. А детям вообще врать нельзя. Почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами и пошёл по коридору к кухне.

Я вошла за ним туда и включила чайник. Больше по привычке, машинально, чем в действительности намереваясь попить чаю. Вальтер остановился у подоконника, опершись на него задом.

– Ты действительно шла в профессию, думая о том, что сказала им? Сама? Не из интереса, не потому что у тебя в семье были врачи, не думая о престиже... даже власти, в каком-то смысле? Нет? Вот так, шла помогать людям? На самом деле?

Я села на стул, деревянная спинка с вырезанными узорами, приятно гладить её рукой идеально отполированную поверхность.

– Чему ты удивляешься, не пойму, – сказала я.

Он качнул головой:

– Если это так, ты... счастливый человек.

– Разве у тебя не так? – удивилась я.

– Да так... но... Я не думал об этом раньше. Мне интересно. Мне нравится человеческое тело, его тайны, нравится побеждать болезни, преодолевать природу, оказываться сильнее, хитрее. Узнавать о его возможностях. Поэтому и на кафедру вернулся. Кстати, тут из Курчатовского института приходил один, читал доклад о биополимерах. Скоро искусственные трубы и матки нам предложат... Но... – Вальтер почувствовал, что отвлёкся и опять посмотрел на меня. – А... то, о чём ты говоришь... это тоже, конечно, но... это

само собой как-то. Это Илья научил тебя?

Я пожала плечами. Я не помню, чтобы Ю-Ю учил меня этому, для меня с самого начала было важно именно это. Поэтому так удручает это теперешнее: «медицинские услуги». Помогать – это одно, это благородно и даже жертвенно, а услуга это... с этим всё ясно. Холод, простота и стандарт. Никаких эмоций или благородства, этому места нет. И никаких жертв тем более. Помощь – это энергия, услуга – действие функции. Услуга – это то, за что платят. За помощь благодарят в сердце...

– Да, Туманов известный гуманист, в репродуктологи подался, чтобы за аборты отмолиться. Что так смотришь? Не знала? Всё знаешь о своём дорогом любовничке-кровосмесителе, а этого не знала? – засмеялся он, покачав головой...

Я не стала обращать внимания на его попытку задеть меня, я привыкла сглаживать. Иначе мы бы не прекращали сориться. Мне пришлось стать той само каплей масла, которая гасит все штормы в нашем океане, растекаясь по поверхности... Поэтому я промолчала.

А сейчас, в этот поздний или, напротив, ранний час, потому что было тринадцать, посреди тишины и снов моих дорогих домочадцев, я сидела на стуле и думала, почему мне снится Вася и этот сон... Я думала, что было бы, поступи я тогда, двадцать лет назад по-другому, и останься женой Васи... Всякий раз я думала об этом. Я пыталась представить нашу с ним жизнь, наш дом, наших детей, Ивана Генрихо-

вича... И моих родителей и бабушку представляла тоже. Вот только всё не складывалось. По-прежнему не складывалось, последний фрагмент паззла так и не ложился, не встраивался: Ю-Ю...

Нельзя быть без Ю-Ю... Вот поэтому мы не с Васей, а с тем, кто терпит этот ключевой фрагмент...

Я услышала шаги Вальтера, всегда чувствует, если меня нет в кровати и просыпается, даже, если спит глубоко и спокойно. Как он это делает, не понимаю... В ночи, когда я дежурю, он не спит. Я бы не знала, Лара рассказала как-то.

– Ты чего? Что не спишь-то? – щурясь на свет, проговорил Вальтер, смешной лохматый со сна.

Он взял стакан налить воды, спереди оттопыривались его пижамные штаны, он надевал их, вставая с постели, спал всегда обнажённым.

– У тебя стоит, – сказала я, чтобы не отвечать на его вопрос.

– Ещё не совсем, – сказал он, усмехнувшись и поставил пустой стакан. – Пошли?

Я встала, чуть-чуть улыбнувшись.

– Идём.

По дороге в спальню, я привычно заглянула в спальни к детям, вначале к Ларисе. И...

– Вэл... – растерянно проговорила я.

И не сразу сообразила, что его рядом нет. Я поспешила за ним.

– Вальтер, Ларисы нет... – сказала я, нагоняя его возле спальни.

Он обернулся:

– Как это... нет? Как это? – он моргнул пушистыми ресницами, становясь сразу каким-то юным.

И мы вместе бросились в комнату дочери.

– Май... она же спать ложилась, – проговорил Вальтер.

Мы вместе стояли посреди пустой спальни нашей дочки, нашей малышки, с едва тронутой постелью, порядком на столе, на полках для книг, с выключенным и даже закрытым ноутбуком. Я свой вечно оставляю открытым, как и Вальтер...

– Сашу надо спросить. Если не знаем мы, то он...

– Думаешь... она... – Вальтер посмотрел на меня.

– Я думаю, что... он умный и зрячий, а мы слепые, как и все родители.

Саша потёр лицо, не сразу фокусируя взгляд очень светлых прозрачных глаз. Он сел, убирая с лица длинную русую чёлку, волосы у него шелковые, блестящие, как у Ю-Ю и моей мамы, и глаза совсем как у них.

– Саша... ты...

– Вы что? С ума сошли что ли? – пробормотал наш сын.

Он сел в постели, одеяло соскользнуло с его плеч, гладкая кожа, выпуклые мышцы, он крепкий мальчик для своих семнадцати лет. Он любил, воткнув наушники, в которых играли современные и не очень рокеры, заняться гимнастикой, отжиманиями, помотать гантели. Несколько лет он занимал-

ся единоборствами даже на соревнованиях каких-то побеждал, но потом сменился тренер, наш парень заскучал и бросил. Но ему есть в кого быть крепким и высоким.

– Саша, Ларисы нет.

Он вздохнул, закатив глаза:

– Ну и что? Одурели... я-то при чём? – волосы упруго упали ему на лоб. – У Гриши значит.

Мы с Вальтером переглянулись:

– У какого ещё Гриши?

– Придёт завтра и спросите, что ко мне-то пристали? Запустили, тоже мне. Она уж месяц к нему сбегает по ночам, вы все ничего не знаете, – он посмотрел на нас. – Всё, отстаньте. Придёт, будете спрашивать... И выключите свет, устроили...

Он упал обратно на подушку, всем видом показывая, что разговаривать больше не намерен.

Я посмотрела на Вальтера, который потянул руку к выключателю. Он мотнул головой на дверь, ясно, что нам нечего больше делать здесь.

Пока мы шли с Вальтером до спальни, я думала о том, что испытываю некое дежа вю, только будто... с противоположной стороны. Так было и в моей семье, когда никто не видел и не интересовался, чем я живу, чем мы с Ю-Ю живём.

Но разве я не знаю и не интересуюсь жизнью моих детей? Мне казалось я знаю всё, я знаю, их любимые школьные предметы и имена учителей, и друзей, я знаю, какие фильмы

они смотрят и какую музыку любят, какие мальчики нравятся Ларе и какие девочки – Саше, мы могли даже поспорить о вкусах, причём весело смеясь и подшучивая друг над другом. Они рассказывали о своих влюблённостях и даже поцелуйных романах, никогда не думала, что такое пройдёт мимо...

Мы с Вальтером вошли в нашу спальню, он открыл дверь на балкон.

– Что это такое, Майя? Ты знала, что... что... наша дочь... – он посмотрел на меня с упрёком.

Мне стало обидно, неужели не очевидно, что я удивлена и обескуражена не меньше его? Поэтому я ответила, сердясь:

– Строго говоря, Лариса совершеннолетняя.

Но зря, потому что мгновенно Вальтер взорвался:

– Вон что?! Значит можно шляться?.. – воскликнул он. – Хотя, конечно, ты раньше начала! Когда он тебя? В шестом классе? Или в седьмом? Когда... распечатал?!.. У шлюхи шлюха дочь!

У меня побелело пред глазами, будто всё моё спокойствие, моё терпение, которое я копила и сохраняла в себе, взращивая, как другие растят сад, шарахнуло мне в лоб. Так вот весь этот сад внезапно охватил пожар. В один миг, словно спичка, что он бросил попала в порох.

– Пошёл к чёрту! – я подскочила. – Пошёл ты к чёрту! Обо мне можешь думать и говорить, что хочешь, но дочь ругать не смей! Не смей, слышишь, я не позволю тебе сказать ей

хоть что-то такое!

– Ишь ты? Профсоюз б... ей организуете?! – он подлетел ко мне.

– Ещё одно слово...

– И что? Что ты сделаешь мне?!..

Я слушал приглушённые стенами и расстоянием вопли моих родителей. Я привык к этому, привык к вспышкам непонятной мне ревности у отца и тому, что мама всегда смиренно и невозмутимо воспринимала их и не отвечала криками никогда. Это впервые, чтобы и она кричала на него. И всё из-за Ларки.

Ларка, конечно, обнаглела, вот так сбегать, потому что не попалась ни разу и зарвалась. Я говорил ей, чтобы она поговорила с мамой и рассказал ей об этом Грише, с которым она познакомилась на Новый год и с тех пор встречалась, вначале вполне невинно, но потом все произошло уже по-взрослому. Он и сам взрослый, на десять лет старше неё, Ларка влюблена как кошка, странно что мама не замечала, обычно всегда всё чувствует в нас, прямо будто насквозь видит. И спрашивает мягко: «Влюбился? Расскажешь? Или потом?..»

Но так всегда и бывает, самое важное люди и пропускают. И теперь орут друг на друга. Мама в первый раз отвечает отцу. «Не смей ругать её!» – это мне понравилось. Мама защищает её. Всё же ссорятся из-за Ларки, чёрт бы её побрал! Могла бы рассказать всё нормально и законно ходила

бы встречаться с этим своим Гришей, пусть и его чёрт возьмёт! Утром скажу ей, всё, что я о ней и её соулмейте думаю.

Я хотел было накрыться с головой и заснуть снова, но услышал, как что-то упало, мамин вскрик и испугался, что отец ударил её. От этой ужасной мысли я вскочил с кровати и бросился в их спальню...

Но я напрасно поспешил с выводами, распахнув дверь с намерением убить отца немедленно, если он и правда ударил маму, я застал их...

Я застал их за тем, за чем заставлял, впрочем, не раз. Отец дурел и слепнул от страсти, поэтому нередко подхватывал маму в свои руки, целуя и заваливая или прижимая, где придётся. Я знал, как и Ларка, до чего он маму любит и за это одно мы ужасно любили и его самого, за его взгляд на неё, за улыбку, которая неизменно рождалась в его глазах и лице, когда он смотрел на неё или просто думал о ней. Можно сказать, мы гордились этим, ими обоими. Может быть поэтому даже их ссоры не пугали нас, мы всегда были уверены, что они никогда не разведутся.

Вот и сейчас, я увидел их целующимися, и от сердца отлегло, слава Богу, всё, как всегда, и мамин крик тоже ничего не значил.

Саша прав и не прав. Вальтер всё же ударил меня. Никогда не поднимал руку, мог схватить за руку, за плечо, даже синяки оставались, но ни разу не ударил, как бы ни злился.

Потому, что я ни разу не противоречила, никогда за все годы. Это впервые, когда я ответила на его упрёки. Но я ответила не из-за себя, всё, что он может сказать, я себе говорила сто сотен раз, меня это не трогало и не обижало, но Ларису я не позволю ругать площадными словами, тем более ему, её отцу.

– Что сделаю?! Увидишь!..

– Увижу? Интересно, что? Чего я ещё не видел? Или есть что-то, что ты показываешь ему, но не мне?

– Господи, при чём здесь он?! Что ты всё время вплетаешь его!

– Причём?! Да при всём! При мне, потому что при тебе! Мой сын как две капли – он! Может он его и заделал!?

– Конечно он! Жаль, что ещё пятерых не сделал!

Вот здесь оплеуха и настигла меня, пальцами вскользь, но ладонь такая, что попади по-настоящему, плашмя, у меня, должно быть, и голова оторвалась бы... а так мотнулась только и губы зажгло, и стало солоно во рту...

А дальше, пока я собирала искры, посыпавшиеся у меня из глаз от этого удара, он схватил меня за плечи и потащил к кровати, рыча:

– Дура! Чёртова ты дура... что ты...

Голос его начал таять, губы, зубы впились мне в спину, в затылок, за ними и горячий шепот:

– Как я люблю тебя... как же я люблю тебя... люблю... тебя... – шепот, огнём обжигающий мне кожу, прожигающий

до живота, распалаяющий и сам живот и всё, что внутри...

... Майя повернула голову:

– Вэл... ты... Я поговорю с Ларой. Сначала я. Потом... вместе послушаем, что она скажет.

Я вздохнул и уставил взгляд в потолок, иначе не могу собрать мысли и снова думаю о том, встать попить, прежде чем снова притянуть её к себе или попить после...

– Я не могу спокойно думать о том, что Лара... что... Она ещё школьница. Какая сволочь могла школьницу...

– Вэл, не мы придумали держать людей в школе до восемнадцати лет... Не сходи с ума, наши дети взрослые, мы просто не заметили, как и все предки не замечают, как вдруг из хорошеньких пупсов получаются целые мужчины и женщины.

– Особенно женщины! – зло пыхнул я. Моя дочь женщина? И я должен к этому привыкнуть?!

Но я тут же и осадил себя: моя старшая дочь взрослая женщина уже давно, ей скоро двадцать семь и она, как была для меня чужая, так и есть. Она давно живёт своей жизнью, вышла замуж в восемнадцать, развелась через год и занимается тем, что учится и учится. То я оплачивал один институт, то другой, то третий. Но наши с ней отношения всегда сводились к тому, что я что-то оплачивал. Она ненавидела меня всей душой до того, что едва терпела моё общество, когда мы встречались, но терпела, чтобы получить то, на что рассчитывала. Но и меня вполне устраивало, что я не должен

участвовать в её делах.

Уже много лет я хотя бы не должен был содержать и её мать. Марина вышла замуж вполне удачно, родила мужу ещё детей, уезжала с ним на несколько лет жить за границу, теперь они снова жили в Москве. И теперь наседала на меня, настаивая, что я должен купить квартиру Луселии.

– Если ты считаешь, что я миллионер, ты ошибаешься, в нашей стране врачей миллионеров никогда не было, – сказал я ей на это требование.

– Рассказывай! В частной клинике оперируешь и всё денег нет!

– В частной клинике я бываю один день в неделю...

– О, ну, конечно, всё свою Майю стережёшь, мог бы и побольше работать! – произнося имя Майи, она противно скривилась.

– Тебя это не касается, – отрезал я. – Короче, Марина, с ипотекой помочь могу, но на большее не рассчитывайте.

Вот и выплачивал я теперь Люсину ипотеку за квартиру в Митино. Может быть я и мог бы купить ей эту квартиру, но мне не хотелось этого делать. Мне не хотелось тратить сразу так много денег на неблагодарную девчонку.

А вот Ларочка всегда была славной, открытой девочкой. И что, вдруг стала взрослой и скрытной? Ох... я снова посмотрел на Майю, протянул руку к ней, к её груди, с неё – на талию, которая всё такая же тонкая как была всегда. Удивительно, я не понимаю, как ей это удаётся, как ей удаётся не

стареть, даже не меняться? Постарели все, мама, её муж Володя, Агнесса Илларионовна, Волков, ставший завкафедрой, потому что Ник Сестрин так постарел, что ушёл на пенсию, Таня, как ни старается, просто из кожи вон, в самом буквальном смысле: недавно сделала подтяжку, а всевозможные липосакции, ботоксы и прочие ухищрения современной косметологии, доступные ей, как редактору моды в «Vogue», как и лучшие парикмахеры, но несмотря на это и ей не удаётся скрыть свои пятьдесят. И только Майя по-прежнему кажется юной и нежной, гибкой, как зелёная ветка. И не кажется, она такая, она даже пахнет молодостью.

Только Илья, сволочь, в этом тоже похож на неё. И он мало постарел. И он почти не изменился, даже стал лучше, красивее как-то, он в молодости не был таким интересным, как теперь, я замечал, как женщины реагируют на него... Я вижу его время от времени на конференциях, симпозиумах, иногда в клиниках, где мы оказываемся участниками консилиумов. Но даже разговаривая при посторонних и обсуждая больных и их истории, я не могу не думать каждый миг как я его ненавижу и как хочу убить его.

Я не знаю, как часто они встречаются с Майей, я не знаю, занимаются они сексом они всякий раз, когда видятся или вообще не делают этого давно, ходят они в кафе или в кино, и вообще я ничего не знаю об их отношениях, я уверен только, что он никуда не делся из её сердца и мыслей. Что он присутствует в её жизни. Так же, как и я. И что нет и дня,

когда она не жалела бы, что она каждый день просыпается со мной, а не с ним.

И во сне я вижу нередко, что он рядом. Будто живёт с нами в одном доме...

Это, его вечная тень около неё, ещё подогревает моё чувство к ней. Как дополнительное, и жаркое топливо. И ничто не гасит моё пламя. Ни многочисленные и разнообразные связи, ни Таня, которая до сих пор не оставила попыток заполучить меня, хотя выходила замуж уже два раза и снова разводилась. Ни время, ни возраст, ничто не охлаждает меня. Даже больше. Чем старше я становлюсь, чем больше пресыщаюсь другими, тем сильнее и жарче люблю её. Тем сильнее чувствую, всё, что чувствует она.

Поэтому то, что она вспылила сегодня и кричала на меня, защищая Ларису, которую, я конечно, не обижу никогда, как бы не рассердился этой ночью из-за неожиданного открытия, этот её твёрдый отпор немного озадачил меня. Выходит, я всё же не так хорошо знаю мою жену.

И мне стало страшно от этого. Чего ещё я не знаю? Мы опять не равны: она всё знает обо мне и меня, даже знает, как взглянуть, чтобы я понял, её без слов. А я натолкнулся на неожиданность.

Глава 2. Мать

Если Юргенс не спал, когда Маюшки не было дома, он, очевидно, обладал некими экстрасенсорными способностями, во всяком случае в отношении её. Потому что во все эти ночи мы с ней были вместе. Мы и дежурили вместе, а половина ночей, когда она была «на дежурстве» мы были у нас в Товарищеском. А если учесть, что она работала в той же клинике, где работаю и я, то мы в течение суток проводили рядом времени больше, чем он с ней. К счастью, или, напротив, к несчастью, что сохранялся тот самый проклятый status quo, он ни разу не подумал проследить за ней, ни осведомиться, кто же ещё трудится в многопрофильной гинекологической клинике, где работала теперь Маюшка после аспирантуры. В Опаринском центре она брала дежурства в родильном отделении, я же там оставался на полставки, чтобы продолжать научную работу. На её дежурства я приходил вне своей работы. Все давно привыкли к этому и не задавали вопросов, не знаю, что они думали о нас, меня это не волновало.

В клинике я был ведущий специалист, на меня шли как на доктора наук, а среди пациентов вообще бытовало и даже закрепились мнение, что я настоящий волшебник, способный решить любую проблему. Собственно говоря, кроме Маюшки в моей жизни была только работа, поэтому я мог отдавать делу много времени, сил и мыслей. Тот самый status

quo в этом смысле работал на меня, мне давно не приходилось комбинировать, чтобы увидеться с ней, всё устоялось и текло спокойным руслом.

Работа приносит мне удовлетворение и радость. И каждая удача в лечении бесплодия это сияющая звезда на небосклоне моего самоуважения, как орден на груди героя. Эти успехи не дают мне впасть в рефлекссию и депрессию, когда хочется, как любому человеку моего возраста, закричать от ужаса, что большая часть жизни прошла, а я так ничего и не сделал, не понял и не успел. Детишки, появившиеся на свет благодаря мне, уже заполнили бы собой небольшой городок. И это укрепляет меня, как металлический каркас.

И всё же оставаться в одиночестве в Товарищеском было и есть невыносимо. Временами мне в сердце забиралась тоска и я искал успокоения в случайных связях. Но это, как и алкоголь только усиливало, только подчёркивало чувство одиночества. Поэтому я абсолютно бросил пить, но грешить с женским полом всё же продолжал, хотя разочаровывался всякий раз ещё до того, как очароваться.

Я не знаю даже для чего я никогда не отказываю себе в удовольствии пригласить какую-нибудь женщину или девушку поразвлечься, я давно перестал удивляться, что никто и никогда ещё не отказался, потому что я, хотя и галантен, и даже весел, но холоден, как пластик с ними со всеми. Я отравлен Маюшкой навсегда, я и оттекал к другим только от ревности и злости на неё, за то, что она не моя, что она не

уходит от Юргенса столько лет и всё же любит его. Он всё же заставил её любить себя, как ни удивительно это прозвучит, но есть способы и первый и самый надёжный – это искренняя любовь. Не ответить на неё сложно...

Но это умом я всё понимаю и трезво оцениваю, а вот сердцем понимать и мириться невозможно. Поэтому моё счастье с ней смешано с горечью, болью, и ревностью, порой невыносимой. Но я выношу всё. Я пробовал уезжать. Я брал командировки, стажировки, я уезжал за границу, но от себя сбежать нельзя. Я это знал и только подтверждал каждый день. Двух дней не проходило, и я начинал звонить Маюшке. И, услышав её голос, испытывать прилив горячей радости к сердцу.

Но всё же я ждал, что всё это завершится когда-то. Это должно было закончиться. Дети взрослеют и скоро Юргенсу удерживать её будет нечем. Или ей нечем будет прикрывать своё нежелание оставить его и прекратить двойное существование. Ларисе уже исполнилось восемнадцать. Вскоре после дня её рождения, я заговорил с Маюшкой на эту тему.

– Дети заканчивают школу в этом году, – сказал я, вглядываясь в её лицо.

Мы были в Товарищеском в одну из тех прекрасных ночей, что случались раз в неделю, когда Маюшка, якобы дежурила. Мы сидели на кухне за кофе, но Маюшку клонило в сон и кофе не очень помогал. Она убрала волосы с лица,

седина не появилась до сих пор даже у меня, у неё и подавно её не было. Удивительно, но с годами волосы у неё потемнели, она не остригала их, носила длинные, делала пучки, распущенными, а если завязывала в хвост на затылке, я начал опасаться, что меня станут принимать за её отца. На это она всегда смеялась и целовала меня: «Нет, ты моложавый, только я знаю, что ты уже пень!», я шутливо сердился на это, и мы дурачились, щекочась и целуясь.

– Да, заканчивается школьный ад, чтобы начался институтский. Хотелось бы думать, что они выбрали профессию по сердцу, – ответила Маюшка, не придав моим словам правильного значения, которое вложил я.

– Да не сомневайся, и Саша и Ларочка с горящими глазами говорят о будущей профессии, – сказал я.

Я уверен в том, что сказал, не только говорили с горящими глазами, но и просились в клинику, я брал их, но в Опаринский центр, давал халаты и показывал УЗИ, разрешал аускультировать плод, прикладывая стетоскоп к животам беременных, давал хорошие старинные книги. Это Маюшка всё время старалась отговорить их, страшая теперешними временами, когда нашу профессию низвели с пьедестала высокого служения до прислуживания. И я понимал, что она делает это не для того, чтобы действительно отвлечь их, но, чтобы заставить видеть все стороны будущего, не обольщаться, чтобы они не совершили ошибки, которая стоит и времени, потраченного напрасно, и сил.

– Ты знаешь, Ю-Ю, иногда я думаю, что мы приходим на землю, чтобы не так прожить эту жизнь, измучиться, что-то понять и в будущей жизни, которая, конечно, не на земле уже будет происходить, жить иначе. Делать правильный выбор, делать его вовремя, включать зрение не в глазах, но в сердце...

– Май, твои дети выросли. Уже никто не отнимет их у тебя. И меня уже никто не посадит, давно закрыто М-ское дело, больше ничто не мешает тебе уйти от Юргенса, – сказал я уже без обиняков.

Она взглянула на меня, подняв тяжёлые веки, отягощённые длинными ресницами, которые в этом отвесном свете совсем скрывали её глаза. И помолчав, сказала:

– Вина нет у тебя, небось?

– Есть, отчего же. На любой вкус. У меня бывают пьющие люди, Неро, например. И другие наши приятели, ты же знаешь, так что выпивки хоть залейся на такие случаи. Это от себя я запираю.

– Запираешь? – она удивлённо посмотрела на меня. – А что ты вообще пить-то бросил? Ты никогда особенно не увлекался.

Я вышел с кухни, в простенке к передней у нас был чулан, где и стояли у меня бутылки со спиртным, запертый на ключ.

– «Не увлекался», – усмехнулся я, вставая. – Много ты знаешь, кукла. Бросил, потому что появилось во мне желание упиться насмерть.

Я вышел с кухни, в простенке к передней у нас был чулан, запертый на ключ, где и стояли у меня бутылки со спиртным.

– Ты что? С чего это?

– С того самого, – мрачно пробормотал я. – Спрашивает ещё... Что выпить-то хочешь?

Маюшка подошла ближе, входя за мой в чулан.

– Вон ты как тут всё... я и не замечала, думала шкаф и шкаф, – сказала она, разглядывая чулан из-за моего плеча.

– У меня и холодильник есть.

– Что, и брют есть?

– Обижаете, деушка. Есть, что хочешь. И крепкое, и игристое, и десертное и семидульче... Только к шампанскому надо было и закуску приобрести, – хмыкнул я.

– Кто ж знал, что посреди ночи выпить захочется...

Я открыл холодильник, где в морозилке лежали бутылки с водкой, а на полках шампанское, сухие и полусладкие вина. Всякие виски и текилы с коньяками и ликёрами стояли просто по полкам шкафа, ключ от него я хранил тут же в чулане на гвозде.

– Так не слишком и запираешь-то, вон ключ, – сказала Маюшка, когда я, достав бутылку, закрыл свои припасы и повесил ключ на место.

– Так пока буду брать его, в скважину всовывать, глядишь и опомнюсь...

– «Опомнюсь»... – она посмотрела на меня. – Пошли, сходим в магазин? Купим закуски, какую-нибудь клубнику или

икру...

Я улыбнулся:

– До метро почти придётся тащиться. Все окрестные, с тех пор как запретили продавать спиртное после десяти вечера, позакрывались.

– Вот и проветримся.

И мы вышли на улицу, холодную, февральскую. Ветер сразу набросился на нас, едва мы вышли из арки, ведущей из нашего двора на улицу.

– Ох и холодрыга, лучше бы в постель затащила старичка, чем по улицам таскать за какими-то клубниками, – шутливо проворчал я.

– Шапку надо надевать, старичила! – засмеялась Маюшка, нахлобучив на мою голову капюшон.

– Ты мне нос ещё шарфом завяжи, как маленькому, – засмеялся я, поправив длинные волосы, брошенные капюшоном вперёд.

Маюшка взяла меня под руку, и мы пошли вдоль улицы, поддерживая друг друга на скользком тротуаре. Очистили хорошо, но с вечера было сыро, а теперь прихватило морозом и скользит. Настоящая ледяная глазурь.

– Говорят, ледяные дожди скоро станут нормой для Москвы.

– Нормы становятся всё ужасней... – засмеялась Маюшка.

Перед перекрёстком резко затормозила какая-то спортивная машина, едва не сбив нашу парочку.

– Вот же!.. – мне захотелось выругаться. – Сядут эти гламурки за руль...

– Ты разглядел, кто там за рулём? – удивилась Маюшка

– Разглядел, баба в макияже, – ответил я. – Пошли скорее, иначе пить тебе я не дам, сразу в постель потащу, греться!

И мы почти добежали до сверкающего в ночи круглосучточного магазина. Внутри пахло кофе и свежим хлебом, как положено, хотя ни кофе здесь не варили и хлеб весь давно остыл, а свежий ещё не был готов, его спекут на рассвете. Но главное, здесь было светло и тепло. Мы расправили плечи, войдя, сняли перчатки и капюшоны. Накупили и клубники, и икры, и дыню как игрушечную, будто заранее, ещё на бахче, или где она там росла, разделённую на дольки, и винограда, оказался необыкновенно красивый кишмиш, как на Брюлловском полотне «Итальянский полдень» и ещё много чего... называется, решила Маюшка выпить шампанского...

Наконец со всем этим мы быстрым шагом почти прибежали домой, потому что на обратном пути замёрзли ещё больше.

– Теперь водки надо, а не ледяного шампанского, – усмехнулся я, с удовольствием ополаскивая фрукты, запустив руки в горячую воду.

Маюшка обняла меня сзади, протянув руки под горячие струи тоже, и прижавшись щекой к моей спине.

– Как я люблю тебя, милый, если бы ты знал... – выдохнула она.

Я вздохнул, улыбаясь:

– Это я тебя люблю, – и взял её руки в свои. – Уйдёшь от Юргенса ко мне?

Она кивнула:

– Да, Ю-Юша, – прошептала моя Маюшка. – Только...

Я обернулся:

– Только не говори, что ещё ждать надо чего-то...

– Ю-Ю, только год. Пусть отучатся хоть семестр на первом курсе, это самое сложное время, ты же знаешь, а лучше вес первый курс...

Она с ума меня свести хочет?

– Только год? Ну да! Потом – пусть женятся... А там внуков в школу поведём... Май! – рассердился я.

Она вздохнула, отошла от меня, вытирая мокрые руки полотенцем, и опустив глаза. И села за стол:

– Вина-то дай уже! А то по морозу таскает, специально ничего вкусного не заготовил... а потом сразу прижимает к стенке... – сказала она, ещё пытаясь улыбаться, пытаясь перевести всё в шутку.

Я открыл бутылку быстро и легко, дымок закурился над горлышком, предваряя напиток. Вдова Клико хорошее, лёгкое шампанское, от него никогда не болит голова, даже, если упиться...

Маюшка подняла бокал с играющим в нём вином:

– За тебя, мой дорогой... Обещаю, только дети окончат первый курс я перееду к тебе. Если ты не против. За год я

подготовлю их к этому, и Вальтера тоже...

– Э нет! – воскликнул я. – Вальтера твоего готовить нельзя, он немедля придумает что-нибудь, чтобы снова удержать тебя. Не сдавай ему козырей заранее.

Маюшка выпила шампанского немного, поставила бокал на стол, на запотевшем боку проступили следы её пальцев, в которые было видно, как цепочки пузырьков поднимаются ото дна.

– Как сука поступить?

Я посмотрел на неё, она побледнела, глаза под тенью ресниц. Губы поджала.

– Ты так поступила девятнадцать лет назад, теперь верни всё на круги своя. Если только ты не врёшь, что...

– Вру? В чём это?! – непостижимым образом сверкнув глазами, произнесла Маюшка.

На кухню медленно вошёл косматый чёрный Юрик. Он давно уже прекратил таскаться по крышам и большую часть времени спал в кресле или в постели рядом со мной, я даже думал, что он живёт так долго именно потому, что всё время пребывает в стране снов. Уж и перепуталось всё у него, почти летаргия...

Войдя, он тихо недовольно мявкнул, глянув на нас.

– Ну вот, деда Юру разбудила, – пробормотал я, вставая, чтобы насыпать Юрику корма, специально покупаю теперь для старичков.

– Конечно, нашёл кем прикрыться, – Маюшка наклони-

лась со стула, и вытянувшись погладила кота по лобастой голове. Он с удовольствием замурлыкал, щурясь и подставляясь под её ласку.

– Может и меня приласкала бы? – сказал я, поднимая голову.

– Сначала с ножом к горлу приступаешь, а потом... – тихо проговорила Маюшка, разгибаясь, всегда удивляюсь её непостижимой гибкости.

Я не хочу сейчас снова говорить, я хочу её... Поэтому я подхватил её рукой под затылок, притягивая к себе и целуя...

Застучал в окна жёсткий снег, интересно, в какие окна он колотится? Я посмотрел вверх, да, засыпает сверху. Но и в дверь на террасу тоже стучит. Опять придётся чистить. Надо же, всю жизнь снег чищу, как дворник... Юрик вспрыгнул к нам, и стал моститься у ног спящей Маюшки. Я посмотрел на неё, заснула, как и всегда, ротик приоткрыла чуть-чуть, разбуду сейчас... да и договорить надо.

Мы договорили, но уже за завтраком. Маюшка обняла чашку с кофе пальцами.

– Приходи сегодня дыню доедать, – сказал я, наливая кофе и себе.

Кофе-машина зафыркала, выдавая последнюю порцию густого и душистого напитка в мою чашку.

– Приду, если не будешь больше обвинять, что я пытаюсь остаться с Вальтером нарочно.

– Май... – я сел за стол напротив, как всегда.

Вообще я больше люблю садиться рядом с ней на диванчик, что давно уже стоит тут, вмещая по два, а то и три за да наших друзей-байкеров, когда мы, теперь довольно редко, зависаем у нас. Я люблю садиться рядом с ней, касаться, обнимать, целоваться...

Но сегодня утром она настроена поскорее уехать, чтобы не опоздать к утренней планёрке, это мне позволено всё, хотя я не наглею тоже. Поэтому она села на стул, а не на этот диванчик...

– Я должен говорить до чего меня доводит мысль о том, что ты каждую ночь спишь с ним, целых девятнадцать лет?

– Ю-Ю... всё не то ты говоришь сейчас. Я не женщина и не жена девятнадцать лет там. Я – мать. В этом всё дело. Всё поэтому. Уж ты-то знаешь. Я не могла и не могу пожертвовать ими ради себя, твоего и моего счастья. Вот и всё.

Вот и всё, это верно. Но...

– «Яжмать», ну конечно, теперь это... модно прям, – пробурчал я. – Но они уже взрослые.

– Вот поэтому мы говорим о том, что я уйду. И я уйду. И меня достала эта тройная жизнь...

Так я получил твёрдую надежду на то, что всё моё, наконец, вернётся ко мне. И поэтому я не удивился, когда Маюшка в мае приехала ко мне в расстроенных чувствах с рассказом о том, что Лариса...

Глава 3. Буря в стакане воды

Я услышал, что Лара пришла. Чёрт, всю ночь не сплю из-за неё! Надо пойти, предупредить, что её раскрыли. Я открыл дверь в комнату сестры, она обернулась немного испуганно:

– Тьфу ты! Напугал! Ты чё колобродишь? – спросила она.

Лариса очень красивая. Она не похожа на маму, крупнее, мама очень тонкая, изящная, рядом с дочкой кажется маленькой, Лара в отца и бабушку, точно в их породу. И маминому изяществу завидует немного, сама себя называя слонихой, совершенно несправедливо, зачем-то всё время пытается худеть, рискуя испортить статную фигуру. Стать такой как мама ей всё равно не удастся, в маме есть что-то отличающее её от всех, этому названия я не нахожу, я просто это вижу и понимаю. И понимаю, почему мой отец смотрит на неё такими глазами.

Не слишком стесняясь меня, Лариса быстро переоделась в ночнушку.

– Лар, тебя спалили, знают, что ты не была дома.

Она побледнела, села на кровать, глядя на меня, растерянно:

– Орали?

– Орали друг на друга. Говорил тебе, расскажи маме...

– Орали друг на друга? И мама? – удивилась Лариса и да-

же удостоила взглядом.

– То-то и оно. Я в первый раз слышал, чтобы мама тоже ругалась. В общем... Утром... В общем, ты сама думай, что скажешь об этом своём Грише, – сказал я, собираясь выйти, хоть немного-то надо поспать, вон небо уже светлеет.

– А дальше, что было? – спросила Лариса уже в мою спину.

– Как обычно.

– Трахались? – со вздохом облегчения проговорила Лариса. – Ну и ладно тогда, значит всё не так страшно, раз всё, как всегда, никого инфаркт не хватил, никто не убит, – закончила она, набрасывая халатик, чтобы пойти в ванную.

Утром все пришли завтракать в одно время, умывшись и пожелав друг другу доброго утра, все в разной степени готовности: отец полностью одетый, потому что ему ехать дальше всех в «пятнашку», как они называли пятнадцатую больницу, мамина клиника в центре и ездила она на метро, несмотря на гневные или насмешливые замечания отца, что она ведёт себя как босячка, позволяя толкать себя в подземке, на что она только усмехалась. Но я маму понимал: так до её клиники пути было двадцать минут, а на машине она тратила бы не меньше часа. А мы с Ларисой до школы доходили минут за десять. Но завтракали мы всё же всегда вместе, только отец уже при параде, мама причёсанная, но ещё не одетая, а мы только успевшие посетить ванную. Мы с Ларисой пахли зубной пастой, отец волшебным одеколоном, а мама просто

волшебнo.

Все уже почти закончили расправляться с трапезой, отец ел сегодня яичницу из трёх яиц с ветчиной, он всегда завтракал плотно, я сам делал себе омлет, в нашем доме я это умел делать лучше всех, сегодня и на Ларкину долю, она вообще капризничает по утрам, но не сегодня, мама ела кашу, ту самую овсянку, которую ей с вечера оставляет томиться в духовке Агнесса Илларионовна. Мама ест кашу всегда как-то мило, будто ребёнок, масло, например, гоняет по кашиным кочкам, наблюдая, как оно тает.

И чай, и кофе в привычных чашках и бормотание телевизора с новостями о новом землетрясении в Японии, вот у них не прекращается-то... а тут ещё и Эквадор тряхнуло и погибших много.

И всё же с утра всё не было как обычно. Во-первых: у мамы была ранка и синяк на губе. Во-вторых: она перебила отца, который начал говорить, гневно сверкая глазами, мама лишь приподняла ладонь и посмотрела на него, и он замолчал. Я и раньше знал, что несмотря на то, что она всегда молчала во время их ссор, выказывая полное подчинение, и смирение, в действительности, она просто позволяет ему бушевать, чтобы он мог выпустить пар, распирающий его. Но впервые я увидел, что её власть над ним абсолютна. И как легко она им управляет, когда ей это нужно.

– Лариса, – сказала мама негромко, как всегда. – Ты взрослая девушка и мы с отцом не посягаем на твою свободу. И

всё же...

Отец опять хотел было что-то сказать, но лёгкого движения её маленьких пальцев, хватило, чтобы он снова смолк, хотя внутри продолжал кипеть, я это видел: прямо пар вырывается из-под крышки...

А мама продолжила спокойно и негромко:

– Пожалуйста, предупреждай, если ты намереваешься остаться на ночь у друзей, не надо заставлять нас нервничать. Мы должны знать, где ты.

Лара, которая, готовилась к жёсткой головомойке, оказалась даже обескураженной этими спокойными словами.

– Ты, может, замуж собралась?! – воскликнул всё же отец.

– Вальтер!

– Может, и замуж! – обрадованно воскликнула Ларка, вот дура, промолчала бы, видит, отец, как кастрюля с бешеным супом.

– Вон что?!.. – воззрился на неё отец, хлопнув ладонью по столешнице.

– Вальтер! Лариса! Всё! Кончен разговор! Лара в школу шас же! И ни слова больше! Поговорим, когда придёшь... – мама ещё пыталась сохранить мир.

– Если приду! – Лариса вскочила.

Вскочил и отец:

– Что такое? Что ещё я слышу?! Всё, кончила учёбу?! ЕГЭ сдала на 300 баллов?! – заорал и он.

– Может и кончила! Не всё вам...

– Ах ты... – отец задохнулся от возмущения, – выросла...

– Лариса! Пожалуйста, в свою комнату иди... – тихо сказала мама. – Вэл, я прошу тебя, езжай сейчас на работу, дай мне... поговорить с ней.

– Да что тут говорить, не видишь, она издевается! Нарочно провоцирует, чтобы... – завёлся отец.

– А ты матери фонарь поставил, это не издевательство?! – взвизгнула Лариса.

Отец побледнел, но больше побледнела мама, поднимаясь.

– Молчать! – произнесла она тихо и твёрдо. – Или я сейчас же уйду из этого дома, если здесь никто никого не уважает и не слышит!

Это было сказано так спокойно и холодно, мамой, которая никогда не говорила ничего похожего, никогда не угрожала. Но если предупреждала, то выполняла всегда. Поэтому в детстве мы боялись только её наказаний, они были всерьёз.

Все разом замолчали и начали расходиться с кухни. Я встал последним, уже когда щёлкнул замок в прихожей, закрываясь за отцом.

– Саша... – сказала мама, не глядя на меня, и снова опустившись на стул, – ты извини, что скандал... ночью. И теперь... Иди в школу, скажи там, Лариса сегодня пропустит первый урок.

– Ты расстроилась? – спросил я.

Мама подняла на меня огромные грустные глаза и спро-

сила:

– Как ты думаешь, Саша, Лариса влюблена, или это просто... забастовка?

– Думает, что влюблена.

Мама помолчала несколько мгновений и спросила ещё, хмурясь:

– Ты его видел? Как ты считаешь, он... Вообще, всё это серьёзно?

Я качнул головой:

– С его стороны – нет, – уверенно сказал я.

Я и правда уверен в том, что говорю, этот Гриша, уже взрослый со своей взрослой жизнью, просто развлекается с очередной дурочкой, а для Лариски первые взрослые отношения.

– Ты что-нибудь о нём знаешь?

– Он программист, айтишник, вот где работает, я не помню. Ему лет... может и тридцать. А может, двадцать семь. Они познакомились-то при мне, в кофейне: она капучино вылила на него, – усмехнулся я. То была и правда смешная сцена.

– Как?

– Как всегда: руками махала, рассказывала, как она решала математику на контрольной, Лобачевский то же мне... Ну и смахнула чашку, он по проходу шёл... она извиняться, хорошо не обварила. Но он обаятельный, не рассердился даже, улыбнулся и сказал, что полностью её простит, если она даст

ему свой номер.

Мама вздохнула, покачав головой:

– Ясно, опытный... ходок.

Обычно она не говорит таких слов, но сегодня всё необычно. Хорошо, если только сегодня, а не с сегодняшнего дня...

Мне тоже в это утро было не по себе. Всё было не как всегда: и вчерашняя перепалка, и Майина разбитая губа, но особенно то, что она сказала, что уйдёт из «этого дома». Я не могу сейчас думать больше ни о чём. Ни о том, что моя дочь вдруг стала взрослой, как уложить это в мою голову и что с этим делать, с её новой жизнью, с её этим мужиком и моей злостью на них и их нахальством. Ни тем более о работе и том, что сегодня операционный день. Я могу думать только о том, что под моими ногами треснула земная кора...

Дети выросли. То, что Майю держит возле меня столько лет тает с каждым днём. И подо мной уже не земная твердь, а тонкий лёд, и он трещит... а под ним ледяной холод тёмной воды, куда я упаду, если...

Да нет, что я... никуда она не уйдёт, она меня любит, любит, я знаю, я чувствую это каждый день. Не может быть, чтобы...

И всё же мне не по себе от холодной решимости её слов: «я уйду из этого дома». Я привык за все эти годы к тому, что ни в чём она не противоречила мне, никогда не упрекала, ни устраивала сцен, не отказывала ни в чём. Девятнадцать лет

абсолютного счастья, благополучия и наслаждений. И мой мир на самом деле иллюзия? Потому что тень Ильи вечно стоит за ней, будто призрак, будто вечно кипящая лава внутри уснувшего вулкана. Как устранить его? Как сделать так, чтобы ей некуда было уйти «из этого дома»? убить бы его, конечно... давно бы надо было убить. Почему я этого не сделал? Почему, чёрт возьми, это так сложно сделать?

Я доехал до «пятнашки», опаздываю, похоже... впереди паркуется Татьяна Григорьевна-офтальмолог, замуж вышла недавно в третий раз, говорят, ребёнка ждёт, а ей сорок пять, сейчас очень модно стало поздно рожать, скоро на пенсию будут выходить, чтобы детей рожать, лет в семьдесят... Мне показалось, что мысли об Илье и убийстве, это странный посторонний предмет, проникший в моё сознание. Лезет же в голову всякая дрянь перед работой...

– Доброе утро, Валентин Валентиныч, – улыбнулась Татьяна Григорьевна новыми зубами.

Таня тоже сделала зубы пару лет назад, кипенно-белые, в темноте светятся... Боже, Таня звала сегодня... как я устал от этой дурацкой связи, для чего я продолжаю встречаться с ней? Какой-то мазохизм: назло бабушке отморожу себе уши. Я отмораживаю себе член, чтобы потом нестись домой и отогревать его с Майей. И реанимировать душу, застывающую в этом гиалуроновом целлулоиде... Как бы мне хотелось, чтобы не было никого вообще, только я и Майя...

Маюшка пришла ко мне в кабинет, застав у меня пациентку и я, сделав вид, что это запланировано, попросил Майю осмотреть её вместе со мной. Мы закончили осмотр, она согласилась с моим диагнозом, как всегда, читая мои мысли, и чувствуя, что у этой пациентки никаких проблем в действительности нет, она и сама ещё не решила, хочет ли ребёнка или напротив, хочет считать себя бесплодной и на этом успокоиться...

– Случилось что или ты просто соскучилась? – спросил я, закрывая карточку.

Маюшка села напротив меня, где обычно сидит медсестра, предусмотрительно вышедшая вон, оставив нас наедине.

– Да случилось... – вздохнула она. – даже не знаю, что говорить... и как. Ну, словом: у Ларисы любовник. Она даже сказала: жених.

Я откинулся на спинку кресла, податливо откачнувшись подо мной.

– Ну... это неожиданно немного, но нормально. Нет?

– Да, конечно. Но как-то всё ребёнок-ребёнок, только уроки одни были на уме, а тут... И говорит-то с вызовом, будто я виновата в чём-то. А может виновата? А, Ю-Ю?

И Маюшка рассказала об утреннем инциденте, из-за которого опоздала на работу больше, чем на час.

– ...Я пришла к ней поговорить, как мама и дочь, как подруги в конце концов, рассказывала всё до сих пор, – растерянно договорила она. – Она дерзит, сердится, почему? Ко-

гда ты влюблена и тебя просят просто рассказать о твоём любимом, так станешь говорить, не умолкая сутки, а то и неделю!

– Может быть просто не хочет, чтобы ты вмешивалась? Чтобы кто-то лез ей в душу? – предположил я. Как легко можно ранить юную влюблённую душу неуместными и грубыми расспросами.

Маюшка пожала плечами.

– Я спросила только...

...Я вошла к дочке в комнату, она стояла у окошка, стиснув руки на груди и смотрела в окошко. Но за её окном ничего особенно интересного не было – двор, деревья с ещё нераспустившимися почками и дом в ста метрах...

– Я под домашним арестом теперь? – дерзко дёрнув головой спросила Лара, обернувшись.

Она намного выше меня, только на каблуках я поднимаюсь на высоты роста всех моих Юргенсов.

– С чего ты взяла? – мне не по себе от мысли, что она могла такое подумать. Мне всегда не по себе от мысли, что кого-то могут запереть. – Ты была и будешь свободна, ты вообще взрослый человек. Если тебе сейчас неприятно, что я говорю, я уйду...

– Неприятно, но... не уходи, – уже снизив голос и садясь на кровать, сказала Лариса.

Тогда я тоже села в кресло.

– Просто папа...

– Ты его тоже пойми, Лара, – сказала я. – Вдруг, без подготовки, без предупреждения, он обнаружил, что его птенец самостоятельно вылетает из гнезда, становится на крыло. Это потрясение.

– «Потрясение»... поэтому он ударил тебя? – Лара сверкнула голубыми глазами.

– Нет... это не то, – меня смущает, что дети заметили ссадину на моей губе, совсем это нехорошо, что они теперь могут подумать об отце бог знает что...

– Вот вы... всё время... А вам уже... отцу тем более, и не стыдитесь...

Господи, вот стыд-то, выслушивать от взрослой дочери такие упрёки. На это мне нечего сказать, но лучше пусть думает так, чем, что её отец так страшно злился вчера. Да и сегодня утром.

– Послушай, Лара, я не требую даже приводить его в дом, если он не готов знакомиться с нами. Только одно: учёба страдать не должна.

– А если я правда замуж выйду? – опять запальчиво заговорила Лариса.

– Выходи, но учёба прежде всего, – невозмутимо сказала я.

Лара сразу сникла, очередная провокация не получилась. Мне стало даже жалко мою маленькую дурочку, что ты колючки выставила, глупенькая, неужели я обижу тебя?

Поэтому я сказала примирительно:

– Действительно, хочешь замуж?

Лара вздохнула:

– Да нет, конечно, что я обалдела что ли?

Ну, слава Богу, значит всё не так плохо, здравый смысл остался на месте. Успокоившись немного, я поднялась:

– Ларочка, главное запомни, мы тебе не враги, что бы ты не решила делать в жизни, ты решаешь уже сама. Мы тебя только поддержим. Во всём.

Похоже, Лариса не очень ожидала такого разговора после молний, что летели от Вальтера с утра, поэтому слегка растерялась, её первоначальный запал иссяк, так и не растратившись.

Поэтому, должно быть, она сказала, когда я уже подошла к двери:

– Он хороший, мам!

Я улыбнулась и раскрыла объятия, моя девочка, которая намного больше меня, порывисто бросилась ко мне, зажмуриваясь, как в детстве. Я погладила её по волосам, по спине, поцеловала её лоб и щёки, испытывая сейчас к ней, глупышке, которая вздумала вдруг бороться за свою независимость на которую никто не посягал, ещё большую нежность, чем, когда она была малышкой. Да и сейчас она малышка, даром, что ростом почти с отца.

– Я не сомневаюсь, детка.

– А Сашка подкалывает, говорит, он старый!

Я не выдержала и прыснула:

– Так и что? Тебе ж его не варить! – и мы засмеялись вместе. Обнимаясь и целуясь. Мы всегда почти все конфликты решали в итоге юмором и всегда примирялись.

Сейчас рассказывая всё это Ю-Ю, и вспоминая, я тоже улыбнулась.

Он удивился:

– Так всё нормально? А ты говорила...

– С утра было нормально, а вечером Вальтер опять чего-то разозлился, пристал к Ларе с вопросами, она вместо того, чтобы нормально рассказать, кто её избранник, как его зовут, где живёт, чем занимается, взялась сердиться и дерзить. Вот что дерзить?..

Ю-Ю засмеялся:

– Дайте девочке соотнести свои чувства и мысли и то, что вы теперь всё знаете, участвуете так или иначе. Привыкнет и сама всё расскажет.

Маюшка посмотрела на меня:

– Ты так думаешь?

– А что ей останется? Ты всегда ей была ближе всех. С кем ещё поделиться? Саша всё же мальчик. А рассказать о кавалере надо.

– Подружки есть, всё знают, наверняка.

– Не всё подружкам расскажешь.

– Это да...

Я смотрел на неё и думал, будь Лида для неё в своё время, как Маюшка для Лары, случились бы все драматические

перипетии в нашей жизни? Рассказала бы матери о нас, и...

И... и что было бы? Снесли бы наши отношения наши близкие? Нет... всё происходило именно так, как должно было происходить. Никогда бы никто из них не позволил нам быть вместе. Всё сделали бы, чтобы нас разделить. Может ещё хуже всё было...

Глава 4. Ссоры, кровь, телевидение и капли терпения

Май подкатывался к концу, стало совсем тепло, как-то очень быстро и незаметно отцвели деревья, будто сделали это тайком. Просох асфальт во дворе, который в тени дома вечно стоял с большой лужей, и трава появилась на газонах, на улицах запахло пылью, хотя их моют регулярно и давно уже смыли пыльные останки снега, когда-то в М-ске эта пыль долго моталась, пока июньские дожди не смывали её. Почему-то М-ск всегда вспоминается именно в мае.

На годовщину гибели наших мы с Ю-Ю всегда ездили в М-ск на кладбище. Так и не раскрытое дело об убийстве уже давно лежало под сукном или как-то закрылось, но ни следователей тех давно не было, ни большей части свидетелей или, вернее тех, кто полагал себя свидетелями: уехали в Москву, за границу, по большей части умерли от водки, наркотиков или пали в бандитских войнах, и мы могли не боясь появляться в городе.

Вообще М-ск стал, по сути, пригородом столицы, почти все жители ездили на работу в Москву, оставались только пенсионеры, которых почти не видно на улицах, потому что все день и ночь у телевизора, но теперь не смотрят сериалы, как десять лет назад, теперь на волне многочисленные политические шоу. То, что в 89-м было неподдельным, хо-

тя и придурковатым дебютом, предтечей этого всего в виде трансляции съезда или «Взгляда», теперь стало новыми «сериалами» наших дней, с любимыми актёрами в виде «экспертов» всех мастей, умными и обаятельными ведущими и парой постоянных тем, давно всем осточертевших. Однако, каждый день находят новые нюансы для поворота сюжетов. И мы, привыкшие к телевизору с детства, тоже смотрим, зачем-то оставаясь в курсе. Вот недавно появилось новое – голосование по выходу Британии из Евросоюза. До этого Шотландия тоже голосовала за отделение от Британии, и тоже было занимательно, хотя никто никуда, конечно, не отделился. Однако развлеклись, похоже, во всей Европе.

– Забавно будет, если все эти бывшие отдельные страны начнут отделяться, ведь у них даже языки другие, какая-нибудь Бельгия разделиться, Германия вообще только сто лет как стала Германией, а так Бавария, Саксония, там уйма королевств. Да и в самой Британии, тот же Уэльс, к примеру, я уж не говорю про Ирландию. Когда-то бесконечно воевали там, – сказала я.

– Да ещё недавно не на шутку воевали, все новости начинались с Ольстера, – усмехнулся Вальтер. – Политинформацию в школе на эту тему готовили.

– Да? – я улыбнулась.

Я Ольстер помню совсем уже в глубоком детстве, как и Вьетнам, Чили и Кампучию. Ещё по чёрно-белому телевизору. Когда я была в первом классе, купили цветной.

– Не-ет, – улыбнулся Ю-Ю на это. – Ты ещё не училась в школе. Зимой купили, я в девятом классе был. Потом ещё Олимпиаду по цветному уже смотрели. Помнишь?

Это я помнила отлично. И открытие с многочасовым проходом делегаций всех стран в разнообразных нарядах, мелькание цветного живого экрана на трибуне, это вообще казалось волшебством. А уж прощание улетающего Мишки...

Ю-Ю улыбнулся тоже:

– Да, это помнит весь мир... Хотя... Тот мир помнил, – добавил он.

Потом он посмотрел на меня удивлённо:

– Не пойму, как ты можешь помнить Вьетнам и Чили? Это было-то... ты только родилась.

Я пожала плечами:

– Не знаю, но помню отлично. Все эти бомбардировки... кровь на улицах... может, того же Ольстера. Сальвадор ещё...

– Сальвадор, да... Ещё Никарагуа.

– Это позже намного, это уже я в школе училась. А в то время, вот эти все ужасы, с чёрными лужами крови... И Тур Хейердал...

Ю-Ю захохотал. Верно, не было никого в те времена, кто не помнил бы Клуб кинопутешествий. Телепрограммы и М-ск, это мир, в котором проходило наше детство.

Однако теперь мы не оставались в М-ске дольше, чем до вечера, меня гнал страх, я так и не отделалась от воспоминаний.

наний о почти сутках, проведённых в допросной. Почему-то с каждым годом эти воспоминания казались всё страшнее. Ю-Ю много раз заводил разговор на эту тему, особенно, когда из М-ска приходили новости, но я неизменно гасила этот разговор, не желая вспоминать.

А ещё я ужасно боялась встретить Ивана Генриховича. В каждый приезд старалась быстро-быстро пойти по улицам, чтобы никто меня не узнал. Хотя почти никого, кто меня знал не осталось в городе, одноклассники разъехались или поумирали, засеяв своими могилами едва ли не половину М-ского кладбища, теперь могилы наших родных были далеко в глубине, под выросшими за эти годы рябинами. Каждый раз, встречая свежий рыжий холм со знакомым именем, я уже не удивлялась, но холод пробирал меня... Так что прошлое преследовало меня. Шло по пятам.

Зато дома всё успокоилось. Лариса теперь предупреждала о своих отлучках, но к концу учебного года разум возобладал, и она всё больше времени уделяла учёбе. И всё же... Всё же, если она говорила, что хочет сегодня остаться на ночь вне дома, Вальтер поджимал губы, едва сдерживаясь, но наедине высказывал мне всё, что думает об этом, как это злит его, как он не может мириться с тем, что...

– Хоть бы в дом привела, познакомила, а то... – он в очередной раз взялся швырять полотенцем в ванной, которая примыкала к нашей с ним комнате.

– Вэл, ты так жаждешь увидеть этого парня? – спросила

я. – Не знакомит, и слава Богу, может быть, всё не так серьёзно. Почувствует, что никто не держит её на привязи, и станет неинтересно грешить, и займётся одной учёбой.

Вальтер вышел из ванной и остановился в дверях, глядя на меня, чуть прищурившись:

– Хочешь сказать, ты в своё время натешилась бы и успокоилась, если бы тебя не били каждый день за это, не запирали и не унижали? – спросил он.

– Не надо обо мне. Совсем всё другое было. Время другое. Люди другие, отношения, всё было другое, Вэл, – я положила расчёску, и взяла ленту, завязать волосы на ночь.

По телевизору замелькал чёрно-красно-бело-синяя заставка «Вечера с Соловьёвым».

– Другое?! О, конечно! Конечно, у тебя же была великая любовь к родному дяде, а у неё нормальное увлечение юной девушки... – не справляясь со злостью, произнёс он. – Выключи телевизор, сейчас опять об Украине начнут, я начну нервничать и не смогу спать.

Я пропустила мимо ушей его очередную придирку ко мне. В конце концов оба станем нервничать и злиться, и никто не сможет спать...

– Чего тебе нервничать из-за Украины? У нас даже родственников там нет, – сказала я, переводя его мысли от себя и своих грехов.

– Родственников... кто знает, где наши родственники... Ты всех своих родных знаешь?

– У меня вообще никого нет... или не знаю. Но, если так рассуждать, Вэл, то все люди братья вообще-то.

– Это конечно... Но не везде шевелится гидра нацизма, придуманного моими кровными братьями немцами.

Я засмеялась:

– Ох, Валюшка! Думаю, в тебе немецкой крови, как в последних русских царях русской – почти нет.

На это Вальтер улыбнулся, укладываясь в постель:

– Ну... мала-мала есть. Иди, тебе подмешаю.

Да, Майя всегда умела это – обходить острые углы и гасить искры, что летели от меня. И наутро я опять не вспоминал уже, что цеплялся к ней с вечера. Мама всё время говорит мне, чтобы я не делал этого, чтобы не трепал Майе нервы, чтобы не затевал спор, но как мне совладать с тем, что жжёт меня постоянно все эти годы?

Мы разошлись и разъехались как обычно по работам и школам, ребятам к репетитору сегодня, скоро экзамены, эти пресловутые ЕГЭ, всё время сейчас посвящено подготовке. Они нервничают, и мы тоже. Только на дежурствах и забудешься. Майя позавчера дежурила, и сегодня у неё снова дежурство.

Позвонила Таня, приглашая встретится сегодня. Что ж, самый удачный день, когда и поехать к ней. Я поехал. Несмотря на неизменное разочарование от наших свиданий, я всё же продолжаю эту связь для того, чтобы острее чувствовать Майю? Чтобы всякий раз возвращаясь к ней ещё

ярче чувствовать жизнь и себя ощущать живым? Но я и так не ощущаю себя мёртво. Я хожу мстить Майе. Знаю, что она узнает и нарочно продолжаю. Чтобы ей было больно, противно, чтобы и она чувствовала бессилие что-либо изменить, как и я. Ненавижу за это и себя, и Майю, и Таня мне давно противна, а только она вариант, проверенный временем. Ненависть к себе срослась во мне с отвращением к Тане и нашим отношениям, стали одним чувством. Так и живу между горячей, растущей с каждым днём любовью и такой же горячей ненавистью. Как между двух полюсов.

Но сегодня не обычная встреча. Все эти годы один и тот же сценарий: ресторан и хрустящий от льда в наших сердцах секс в её квартире. Но сегодня Таня настроена говорить не только о последних новостях мира искусства и моды, в которых она существует, обычных заезженных фраз о нашей российской отсталости и вечной несвободе, время идёт, а ничего не меняется: возьми хотя бы книги сто пятидесятилетней давности всё те же разговоры и изображение тоски и обездоленности у самых сытых и праздных представителей столичного мира...

Она ещё любит водить меня на модные театральные постановки, затем обсуждает это со своими подругами, а я молчу, слушая этот бред о бреде, что я видел на сцене. И понимаю до чего же я отсталый, замшелый консерватор: всё время думаю, ещё ставят какие-нибудь нормальные спектакли? Обыкновенные? Островского и Шекспира без извращён-

ных исканий? Гоголя без наряжений женщин в мужчин, будто актёров правильного пола не хватает, будто для роли деда Мороза в детском саду? Клонированные актрисы одного великого лет пятьдесят назад театра будто задались показать, что они не хуже своей гениальной предводительницы и их в нескольких поколениях по причёскам и очкам уже не отличить друг от друга и от неё самой... Когда я сказал это Тане, она напустилась на меня как на дикаря и обозвала варваром и отставшим от времени тупым и грубым ландскнехтом, ничего не понимающим в искусстве и потому не имеющем права высказываться. Как говорить: «...вы должны молчать и слушать!». Но разве я спорю? Я не высказываюсь уже давно, она знает, что я, совок с провинциальным мышлением, думаю. А я согласен быть и неандертальцем, лишь бы не мейнстриме с её обычной компанией.

Мы сидели в ресторане и уже должны были принести коктейли, завершающие ужин, после которого я отяжелел и даже осовел, мне сегодня скучнее обычного. Таня в чёрном кружеве, как сицилийская вдова, волосы сегодня какими-то чрезмерными слоями и, кажется, на полметра длиннее, чем месяц назад. Идеальные сверкающие овальные ногти, опять всё идеально. Неужели она не киборг...

Чтобы не думать о том, что я собрался снова лечь в постель с киборгом, я рассказал Тане, что у Ларисы появился парень.

– Погоди-ка, сколько ей лет? Уже восемнадцать?

– Когда ты стала встречаться с мальчиками? – спросил я, чтобы не дать ей сказать, что Лара взрослая. Им всем кажется, я не знаю этого? Что я престарелый идиот, который дожил до маразма и не заметил, что его дочь стала взрослой?

Таня улыбнулась, играя, закатила глаза, перебирая сверкающими ногтями, поглаживая бокал. Ей представляется это сексуальным должно быть.

– Не помню... лет в шестнадцать. Но мы тогда целовались по подъездам, на дискотеки ходили, что там ещё... А! Играли на гитарах во дворе. Другие времена были, будто лет триста прошло с тех пор... – усмехнулась Таня. – А что, раньше у Ларисы не было бойфренда?

Я вздохнул, наверное, если бы он был, я бы сейчас так не нервничал.

Закурить бы, но теперь курить не разрешается. Да и не курил я давно, странно, что захотелось... Чтобы курить, надо было усаживаться в отдельный кабинет, но это со скуки уснёшь, в общем зале можно хотя бы на публику глазеть.

– Какое-то чрезмерно строгое воспитание по нынешнему времени, нет, Валентин? – сказала Таня, и потянула длинный глоток белого вина. Всё по правилам: мы едим моллюски, но не устриц, ведь сейчас май – не устричное время. Я съел бы хороший стейк, обильно сдобренный зеленью и перцем. Может быть и чесноком... Но не сейчас. Сейчас мне хочется зевнуть...

– А сколько было Майе, когда она... кто у неё там был

первый? Брат... или дядя? – будто вскользь, а на деле с расчётом, спросила Таня.

– Я не знаю, – нарочито холодно сказал я.

Во-первых: я действительно не знаю, а во-вторых: Таня последний человек, с кем я стал я стану обсуждать Майю.

– И что... ты сквозь пальцы смотришь на эту эпопею? – дёрнув губой, спросила Таня.

Это меня разозлило, я могу терпеть и слушать её бредни, рассуждения о чём угодно, но она не смеет говорить о Майе. Поэтому я сказал, уже почти не сдерживая раздражения:

– Какую эпопею, Таня? Что за разговор?! Мы Майины детские увлечения станем обсуждать?

Нет, определённо надо закурить. Выйти уже? К Тане я сегодня точно не поеду, лучше на Садовое бы отправился... и выпить ещё хорошо бы. Но и это тоска. Её бы увидеть сейчас, плечи ладонями стиснуть...

Но Таня как-то деланно рассмеялась, снова показывая пугающую белизну зубов.

– Ты это всерьёз, Валентин? «Детские»? Правда, до сих пор считаешь, что всё давно закончилось, всё осталось в детстве? Ты такой наивный или... может, тебе это удобно? Устраивает, что жена развлекается на стороне? У самого руки развязаны... Так? – злобно веселясь, хохотнула она.

Я бросил салфетку на стол и поднялся. Это последняя капля. Та самая, которую я ждал. Именно этим и должно было кончиться. Давным-давно должно было кончиться.

Странно, что тянулось столько лет.

– Тань, я домой поеду, – сказал я, как можно спокойнее. Будь она мужчиной я уже сломал бы ему челюсть. – Приятного вечера.

Она побледнела немного, подняв на меня округлившиеся глаза.

– Ты... что это?!

– Устал я что-то сегодня, да и пора.

– А что, дома кто-то ждёт? – злая усмешка исказила её черты. Она тоже бросила салфетку на стол. – Я даже знаю, где она сегодня. Хочешь, отвезу? Недалеко тут, на Таганке.

Эти слова остановили меня уже в нескольких шагах от стола. Я обернулся, Таня торжествующе улыбнулась, почувствовав удачу:

– Я увидела их однажды ночью, едва не сбила на машине, – радостно сказала она. И добавила, опять словно специально для меня: – жаль, что остановилась, надо было наехать.

Она тоже встала и подошла ко мне, к нам подскочил администратор с подобострастным выдохом:

– Всё в порядке, Татьяна Евгениевна?

– Да, Игорёк, мы уходим, запишите, как обычно, – небрежно ответила Таня, даже не глядя на него. Как быстро они научились барынь-то играть, эти вчерашние комсомолки и комсоргши, удивительно...

Она так пристально смотрела на меня, будто опасаясь упустить из глаз, и я тогда сбегу.

– Поехали, Валентин?

– Я домой поеду, Таня. У меня дети дома одни, – сказал я, отворачиваясь, мне не хочется больше смотреть на её.

– Я скину тебе адрес на ватсап, я проследила за ними, я знаю...

Я обернулся, останавливаясь:

– Спасибо за заботу о моём семейном благополучии, но ты напрасно влезаете в мою жизнь.

– Влезаю?.. Я давно в твоей жизни, – спокойно и уверенно сказала Таня.

Я подождал, пока она подойдёт ближе и сказал так, чтобы она услышала, чтобы она поняла, что это последнее слово, которое я скажу ей:

– Нет.

И Таня услышала, хотя, очевидно, не ожидала, потому что она остановилась, открыв рот:

– А... то есть... Ты что?..

– Счастливо оставаться, – сказал я и толкнул зеркальную дверь.

– Да ты что, Валентин...

Но я уже вышел на крыльцо. На улице тепло и приятно, лёгкий ветер ласкает кожу. Это ветер свободы...

Но Таня всё же догнала меня, уже парковщик забрал мой жетон, а Таня вышла и, увидев меня, истолковала в свою пользу. И делая вид, что не придаёт значения произошедшему, будто это обычная стычка, сказала:

– У меня шампанское в холодильнике. И диванчик новый Armani casa, неделю назад привезли.

Она улыбнулась, но не только радости, даже деланного веселья не было в её лице. И всё же она ещё пыталась продолжить наш многолетний спектакль. Но не только вся публика давно разошлась, потому что представление фальшиво насквозь, но и ее партнёр сбежал...

– Нет, – повторил я.

– Да ты... Обиделся? Ты обиделся из-за неё? Она лжёт тебе всю жизнь, а ты...

– Я тоже лгу. Много лет. Одними этими встречами с тобой. А ты лжёшь ей своей подлой дружбой. Так что, мы все квиты, – сказал я и спустился к своей машине.

Я не обернулся, я не хочу запоминать, как Таня сейчас выглядит, как она смотрит на меня, видеть ошеломление на её лице. Я никогда не хотел причинять ей боли, она не виновата в том, что я слабак и слякоть, что я не был настоящим мужчиной, не навёл порядка в своей жизни, столько лет живу этой двойной жизнью, используя её...

Если бы эта двойственность была мне нужна! Если бы я испытывал потребность разделяться! Но никогда по-настоящему меня не влекло из дома, я хотел лишь внутри себя отомстить моей обидчице. И, мне казалось, мстил эффективно. Но это была дрянная иллюзия, глупый самообман, не более. Вот и он разрушился сегодня. Надо сказать, я испытывал сейчас необыкновенное облегчение.

И в то же время я понимал, что с этим начнётся новая жизнь. Если одна дверь закрылась, всегда открывается другая. Значит откроется и мне. Должна открыться. Не может не открыться.

С этими мыслями я приехал домой, где застал ссорящихся ребят. Вообще они редко ссорились, даже в детстве, Лара человек лёгкий, а Саша очень спокойный, вывести его из себя почти невозможно, поэтому мир между ними сохранялся. И вдруг я услышал, что они ругаются.

– Самый умный! Указывать ещё мне будешь! – немного истерично прокричала Лара.

– Так если ты дура, кто тебе и укажет... – воскликнул Саша в ответ. – О, папа... – он будто споткнулся, увидев меня. – А я думал, ты поздно...

– Поэтому так орёте? – усмехнулся я, переобуваясь в домашние слиперы.

– Да это мы... так, ерунда, пап, не обращай внимания, – проговорил он, немного смущаясь.

И я в который раз подумал, до чего он похож на Илью. Даже этот миролюбивый характер, спокойная мудрость, такие редкие среди подростков, да и всех людей, я сам знаю только двоих людей, обладающих такими качествами и вот, мой сын – третий...

В коридоре появилась и Лариса, возбуждённая и даже как-то лохматая и тоже удивилась, увидев меня, будто я не к себе домой пришёл.

– Привет пап.

– Что это вы поссорились?

– Поссорились? Да нет... – отмахнулась Лара. – Это мы так... Некоторые думают, что умнее всех.

Я услышал, как вздохнул Саша, могу поклясться, он закатил глаза. Забавные они, когда полагают себя взрослыми, подумалось мне.

Ещё бы мне было не закатывать глаза... Отец явился в каком-то на редкость хорошем расположении духа, как, наверное и не бывал ещё в отсутствие мамы, смотрит весело, молодым взглядом, и ещё бы мне не полагать нас с Ларкой взрослыми, если она купила тест на беременность, потому что у неё образовалась задержка, тест вышел отрицательным, но я настаивал, что надо сказать хотя бы маме, а она, вот дура!, придумала, что в случае беременности, она беспрепятственно выйдет замуж, будто кто-то её замуж зовёт...

На носу ЕГЭ, поступление, а она вот эдакой дурью занялась.

Отец зашёл на кухню, привычно включил чайник и телевизор, забормотали о саммите большой семёрки, потом о закончившемся чемпионате мира по боксу среди женщин. Одно абсурднее другого: сначала семь представителей семи процентов населения планеты, собравшись вместе, изображают из себя вершителей судеб мира, потом тётки рубятся кулаками по мордам, что может быть глупее?

– Вон, чемпионат мира по боксу среди таких как ты безум-

ных тёток, туда поехала бы, энергию потратить! – сказал я, уходя в свою комнату.

– Тебе бы за прялкой у печек сидели! – твякнула Лара, когда злится, голос у неё соскальзывает на фальцет, что довольно смешно, такая вот дылда и вдруг пищит как цыплёнок.

Я захохотал, остановившись в дверях.

– Да ты как раз за прялку и собралась, феминистка!

Хорошо, что отец не слышит нас за шумом чайника, продолжил бы расспрашивать.

Я слышал, что они продолжают свой разговор, но вникать в их щенячью ссору мне совсем не хотелось, такое хорошее настроение было у меня этим вечером.

Я этого не знал. Не знал, что в этот вечер Юргенс вернулся домой в самом прекрасном расположении духа. Я этого не мог знать, но, если бы узнал, не удивился бы. Потому что именно сегодня мы поссорились с Маюшкой. Мне кажется, это впервые. Бывало и раньше, что мы спорили, когда я особенно настаивал на том, чтобы она немедленно прекратила существование нашего проклятого тройственного союза. Маюшка всегда терпеливо молчала, не вступая в пререкания, просто ожидая, пока закончится мой мучительный припадок ревности и безысходности.

Но сегодня это было, конечно, глупо и, понимая это, я злился ещё больше, донимая её. Ведь мы договорились, и

я должен был успокоиться, но я, напротив, именно сегодня нервничал сильнее обычного. Во-первых: ожидание всегда мучительно, а я теперь ждал определённого момента, уже объявленного, назначенного. И, мне казалось, день этот отодвигается, что он не наступит уже никогда. А во-вторых: замаячила двухмесячная стажировка в Японии, планирующаяся на осень, отказываться не хотелось, но всякий мой отъезд меня пугал, после Флоренции.

Бывало, я сам рвался из Москвы, чтобы заставить Маюшку, наконец, решиться разорвать наш ложный плохой мир, который, якобы лучше доброй ссоры. И кто сказал, что мир всегда лучше?

Но, уезжая, я начинал жалеть в первый же день, даже в первые часы, начиная метаться, беспрестанно звонить или слать смс. Так что мои отъезды по мне били больше всего, превращая в мнительного маньяка. Поэтому мне захотелось прекратить всё немедленно, и поехать вместе. Это не просто привлекательная идея вновь провести время вдвоём, это страх разлук, непредсказуемости из-за этого, ставший уже многолетним.

И её покорность, и спокойствие, её молчаливое непротивление моим нападкам, тоже привычные и тоже сохраняющие наш мир, и это всё вдруг дало трещину сегодня.

– Перестань, Илья! Как тебе не стыдно?! – воскликнула Маюшка. – Мы договорились. Мы же договорились, почему ты... Зачем снова?... Ты думаешь... Думаешь, это про-

сто, жить как я? Думаешь, я привыкла? Или наслаждаюсь этой вечной раздвоенностью? Сделать ложь нормой жизни, это мне легко?! Лгать каждый день. Детям, Вальтеру... только тебе и могу не лгать. Только тебе. Только ты остался самой настоящей, неподдельной частью моей жизни, моей души... И... ты... именно ты... Зачем ты опять начал этот разговор?! Ю-Ю... – её голос дрогнул и сжался.

Но я не мог остановиться, я слишком много думал над тем, что будет, если я уеду один... и, хотя до поездки ещё всё лето, это уже начало сводить меня с ума. И свело сегодня, похоже. Поэтому, я схватил её за локти, поднимая со стула на кухне, и встряхнул так, что мотнулись волосы по спине:

– Не крути, Май! Ну, хватит! Давай наконец закончим!..

Сегодня высшие силы не на моей стороне. Маюшка оттолкнула меня, ладошками в грудь, так что я откатнулся и толкнул стол, упали бокалы с вином, и звякнули, разбиваясь и разливая недопитое вино по столу...

Маюшка уже выбежала в переднюю, и едва я сам вышел туда, дверь уже хлопнула, закрываясь за ней. Я выскочил на лестницу, и услышал быстрые шаги, сбегаящие по ступеням.

– Май!.. Май, остановись!.. стой же... – крикнул я в пролёт.

Но шаги не остановились, и я побежал вслед за ней. Как был босой и одетый в домашнюю футболку и старые джинсы. Но и во дворе я не догнал её. Я пробежал через арку, но её не было и на улице, я долго простоял, оглядываясь по

сторонам и людей на улице было как нарочно много, оборачиваются на босого лохматого мужика, вертящего головой посреди маленькой улочки, будто за призраком гнался... Где ты, Май? Только не превращайся и правда в призрак. Вся моя жизнь тогда станет призрачной...

Позвонить надо... Но телефон остался наверху. Поднявшись, я сразу же набрал Маюшкин номер. Она не ответила. Потом снова не ответила, а после звонок сорвался. Отключилась. Такое в первый раз за всю нашу жизнь. Впервые, когда она не хотела бы говорить со мной...

Вот ужас. Адский кошмар. Вот чего я добился, вот куда меня занесло сегодня. Занесла моя ревность, несдержанность и невезение...

Я вошёл на кухню, и услышал в наступившей полной тишине, потому что даже улица не влетала шумом в наши окна, дом в глубине двора, заросшего деревьями и кустами, и в этой мягкой тишине вдруг зазвенела тонкая струйка вина, стекающего со стола. Тёмно-красная лужица с лучиками брызг расширялась на паркете.

Медленно вошёл Юрик, тихо и будто нехотя мявкнул, словно спрашивая:

– Ну что? Допёк Маюшку?..

– Допёк, дурак старый, – ответил я, садясь на стул.

Юрик подошёл ближе и потёрся о меня мохнатым боком, подняв толстый мохнатый хвост.

– Не уговаривай, – сказал я Юрику.

Но он снова тихо хрипловато мякнул:

– Ерунда, увидитесь завтра.

Глава 5. Невозможное

Мы не увиделись завтра. Маюшка не вышла на работу, пришёл заведующий с огромной просьбой взять её первичных пациентов на себя. Я никогда не отказывался от работы, тем более для того, чтобы не создавать Маюшке трудностей с начальством, я, конечно, согласился. Поэтому оказался занят под завязку сегодня, так что времени даже остановиться и подумать, где она, Маюшка, почему не вышла на работу, не было. Но к концу работы, к четырём часам, я, оставленный в одиночестве, в моём обширном кабинете, откинулся на спинку услужливо прогнувшегося кресла, не в силах встать и переодевшись ехать домой. В мой одинокий дом. К моему старому коту и недавно обновлённому интерьеру.

Я долго гипнотизировал мой айфон, но он был нем. То есть писали и звонили кто угодно, пациентки, приятели-байкеры, даже какая-то из недавних женщин, где телефон взяла неясно, звонили, кажется, все, но только не она, не Маюшка. Никогда ещё не было такого, чтобы она ни разу не позвонила или не написала за весь день, если мы не встречались. Никогда, ни разу за тысячу лет...

Сидеть нет смысла, сюда она не придёт. Я встал, переоделся как автомат, и вышел, прощаясь проходя, со встречными сотрудниками. Я не поеду домой. Я поеду в наш байкерский ресторан. Да-да, Неро и Новик-Новик организовали-таки ре-

сторан. Поначалу это была забегаловка, подобная тем, в которых мы съедали пельмени и сосиски с хреном, запивая пивом. Но теперь, за прошедшие годы, пережив битвы с конкурентами, буквальные и коммерческие, даже политические за благоволение сильных города сего, забегаловка превратилась в своеобразное, но довольно модное и популярное место. Это не было чисто байкерское брутально-тестостероновое заведение, пропахшее потом и носками, отнюдь. Но с эдаким пикантным привкусом.

Большое помещение в три этажа, с бильярдом в цоколе, и даже отдельным стрип-залом, как говорится, для своих, туда был доступ только для своих, проверенных и адекватных, не пытающихся превратить танцовщиц в низких шлюх. На первом этаже был обширный зал, где с удовольствием камерно выступали рок-команды, презентуя или опробуя на местной публике новые песни или даже целые альбомы, что называется, обкатывая, чувствуя реакцию искушённых, неласковых, но справедливых зрителей.

Второй этаж весь отдан только ресторации. Отменная кухня, за этим следили в первую очередь, не отказываясь от продуктов лучшего качества даже при подъёме цен и прочих трудностях и не экономя на профессионализме поваров.

А вот в третьем был, можно сказать, vip-зал. Только для избранных, к которым относился и я, конечно. Надо сказать то, что часть денег на подъём и раскрутку, ребята получили и от меня. Впрочем, я был не единственный «спонсор». Чтобы

подняться, ребятам пришлось в своё время и квартиры в Москве продать и жить здесь же, в подсобках. И у меня ночевали, бывало. Но всё это стоило того. Теперь бизнес процветал и сами они стали тёртыми калачами.

Но «потёртость» не сделала их циниками, или бесчувственными акулами современного капитализма, каждый теперь обзавёлся семьёй, нарожали детей, у Неро подрастал и внук от старшего сына Вадима, с первой женой они не жили уже лет эдак пятнадцать, со второй он развёлся восемь лет назад. Но детей не бросал, общался и будто и не был в разводе, участвовал в их жизни каждый день. Я даже подшучивал над ним из-за этого. Но он только улыбался:

– Я теперь свободен, как в песне у Кипелова. От пилёжки, упрёков, претензий на моё постоянное внимание, даже от секса, когда у меня на душе тоска и сырость, без риска быть обвинённым в импотенции или изменах. А дети при мне, как и были. Только я ещё и свободен. Не понимаешь?

Я покачал головой. Я и правда не понимал: я всю жизнь стремлюсь к тому, от чего Неро бежит.

Он усмехнулся, хлопнув меня по плечу:

– У тебя... – он крякнул, и немного смущённо улыбнулся, – у тебя любовь, Туман, это другое. Придурковатая, правда на взгляд нормального человека. Но любовь, чё там. Иной мир. Поэтому ты эту нашу хреновую возню и не понимаешь.

Это было в прошлом году, как раз перед тем, как мы все поехали в Олимпийский на концерт «Металлики», уже не в

первый раз посетившей Москву. Я ждал Маюшку тогда, сидя за нашим с ней любимым столиком у окна, откуда открывался чудный вид на Москва-реку, улицу, набережную на противоположном берегу. Маюшка появилась в проходе и Неро улыбнулся, обернувшись на меня:

– Она не меняется даже, – сказал Неро, опять посмотрев на Маюшку. – Впрочем, как и ты сам. Как вы это делаете?

– А мы не курим теперь! – сказал я, смеясь.

Неро качнул головой, будто говоря: «всё шутишь» и поднялся со стула.

– Ладно, сейчас вина принесут. Скоро выдвинемся... Привет, Малая!

Маюшка улыбнулась ему и поздоровалась тоже приветливо и мило, как всегда. Так здоровается со всеми, что невольно хочется поревновать.

А сегодня я один. И столик, освещаемый отражённым закатным солнцем одинокий и уют диванчика напротив сегодня напрасный, никто на него не усядется, почти по-домашнему откидываясь на мягкие подушки...

– Пока ждёте, принести чего-нибудь, Илья Леонидович?

Туманом меня называют только свои, мальчикам и девочкам официантам я представлен под именем-отчеством, как и положено дяденьке моего возраста. Мне хотелось дёрнуть девчонку за её тощую косу, за этот вопрос. Но я сдержался. Я бывал здесь один крайне редко, откуда ей знать, что как бы я не ждал сегодня, никто не придёт.

– Односолодовый принеси, двойную порцию. И... нет, ничего, иди пока.

Минут через пять Неро сам подошёл ко мне.

– Стейк готовят для тебя, я сам смотрел, – сказал он, садясь напротив вместо Маюшки. – С кровью. Что-то один и мрачен, как октябрьский вечер.

– Скорее ноябрьский. В октябре бывают вполне приятные вечера, – ухмыльнулся я.

– Тебе виднее.

Чем прекрасен Неро, никогда не лез в душу, даже, если очень хотел.

– Знаешь, у нас сегодня стриптиз эксклюзивный, – улыбнулся он, поняв всё без вопросов и объяснений.

– Что ж эксклюзивного может быть в стриптизе? – я никогда к стриптизу интереса не испытывал. Чего я не видел? Голых женщин я рассматриваю каждый день...

Поэтому я только посмотрел на него, усмехнувшись:

– Бабуси позапрошлого века рождения? В корсэтах? – я осушил свой хрустальный олд-фэшн с широкой золотой каймой, на посуде мы тоже не экономили, особенно для таких как я гостей, которые и не совсем гости. Я выпил виски, чувствуя соблазн набрать полный рот льда, оставшегося в бокале и разгрызть его, чувствуя, как слюна выступит на губы и потечёт с угла рта на подбородок...

Но Неро моего юмора не понял и сказал:

– Нет, не бабуси. Американки и наши решили устроить

баттл. Это обещает быть... – Неро закатил глаза, показывая, что он верен, до чего фантастическое ожидается действие.

Я кивнул – отлично. И запрокинув голову, набрал полный рот льда...

Я приехала домой вчера вечером не сразу задумавшись, что же я скажу, почему пришла. Только входя в подъезд, я опомнилась и стала лихорадочно соображать, как же мне объяснить моё неожиданное возвращение...

Едва я вошла, Вальтер сразу выглянул в коридор и увидев меня, улыбнулся одной из самых симпатичных своих улыбок, как будто он ещё юноша, способный радоваться появлению милой девочки...

– Ты... Май, привет. Не... ничего не случилось?

– А... нет. Славка попросил поменяться. У него там... Честно говоря, не помню, что там у него, – обессиленно сказала я.

– Это... очень мило со стороны твоего Максимова, – сказал Вальтер. – Может романтический ужин организуем? Завтра суббота.

– У меня рабочий день, ты же знаешь, – устало проговорила я, второго романтического ужина за вечер я могу и не перенести.

– Прогуляй. Подумаешь, разочек.

Я остановилась возле него, босиком я намного его меньше, иногда мне кажется, что в два раза.

– Это... как? – вдруг мне подумалось: почему бы и нет? – Но... Ладно. Я... в ванную, а ты придумывай сценарий, раз так.

И Вальтер придумал. Удивительное вдохновение овладело им сегодня. Уже через полтора часа мы входили под своды какого-то загородного отельчика, сделанного в стиле какого-нибудь охотничьего домика или замка в миниатюре: своды, голые кирпичи, решётки, громадные каминны, шкуры животных, и запах камня, дерева и открытого огня, на котором готовилось мясо на вертелах.

Непохоже было, что Вальтер бывал здесь, он оглядывался по сторонам, как и я, заинтересованно и с удовольствием.

– Если у вас и мясо такое вкусное, как приятен вид, мы станем завсегдатаями, а, Маюш?

Я улыбнулась. Сегодня у меня сил только на покорность, весь заряд энергии я выпустила, выстрелив в Ю-Ю, переполненная его ревнивой пыткой.

Вальтер с удовольствием обнял меня за плечи.

– Седло барашка – наше лучшее блюдо. Будет готово за двадцать минут. Есть ещё колбаски на гриле, отбивные из лосятины... Вино французское, итальянское. Есть Чили и Грузия... Сомелье предложит вам. А пока я проведу небольшую экскурсию по нашему отелю. Вы сможете выбрать номер. У нас имеются в первом этаже с отдельным выходом прямо в лес, и во втором с прекрасным видом и балконом-террасой. Вам понравится с вашей дамой.

– Это не просто дама, это моя жена, молодой человек, – с удовольствием и даже гордостью, сказал Вальтер.

Вышколенный администратор улыбнулся, хотя удивление и мелькнуло на короткое мгновение в его лице. Да, жен, вероятно, только мириться сюда возят, должно быть...

– Лар, давай, хоть дяде Илье скажем?

– Отвали! Тебе больше всех надо что ль? Тест отрицательный.

Я вздохнул, это хорошо, конечно, но неточно...

– И потом, что говорить ему? Аборт что ли делать? Так он не делает, принципиально, говорил сто раз, помнишь? Наверное, потому что своих детей нет, а так бы делал направо-налево! – усмехаясь, сказала Лариса, подняв голову от книжки. Включенный экран ноутбука отбрасывал голубоватый свет на её лицо.

– Ерунду какую-то несёшь, – поморщился я.

– Не парься, братик, через пару-тройку дней всё ясно станет, вот и будем тогда напрягаться. Или, наоборот, расслабимся. Давай штундер-штундер! Монтаг на носу, и ЕГЭ. Это у предков обострение страсти опять, отправились веселиться... Я тоже уйду сегодня. Если всё же явятся, скажешь, ладно?

Похоже, меня её судьба волнует больше неё самой. Всю жизнь, с первого класса я чувствую себя старшим братом.

Я вышел, не закрывая дверь в её комнату. Наскутит зуб-

ритель, сама ко мне заглянет. Как обычно.

Я улыбнулся своим мыслям. Мы близки с Ларисой, хотя иногда она раздражает своей близорукостью на людей и легкомыслием, но даже за это я её люблю. Она, хоть и артачится привычно, но прислушивается. Это уже ценная черта, что она слышит мой голос. И даже яснее и лучше, чем родительский. Даже мамин.

Я вернулся в свою комнату. Пятнадцать минут отдыха не кончились, я могу ещё вздремнуть, тринадцати минут хватит, чтобы не клевать носом над книгами...

Девушки на подиуме, действительно, были хороши как на подбор. Хотя, почему, «как», подбор, разумеется, самый тщательный. Идеальные красотки, без жиринки, прокопчёные в соляриях или на пляжах Таиланда и Майами. С великолепной растяжкой, рассчитанно страстные и горячие. Длинные ноги, кажущиеся гуттаперчевыми тела. Был такой рассказ в нашем детстве, о несчастном сироте, замученном садистом в цирке. Надеюсь, эти девушки далеко ушли от прежних времён и страшных историй... Но завести меня всей этой гимнастикой теперь стало невозможно, после того как я вдруг стал думать в эту сторону. Вот нормальный человек? Наслаждался бы красавицами, похожими на звенящие пружинки, тем более что они великолепны...

Я вздохнул своему несчастному сегодняшнему настроению и выпил ещё. А потом ещё... В результате я перебрал с

выпивкой, от чего отяжелел и даже осовел. Поэтому, когда Неро позвал меня к себе, я жалел, что не успел уехать домой.

Мы расположились в креслах, на столике коньяк и водка, Неро виски не любит. Мы махнули по рюмке, и Неро, взглянув на меня из-под ставших с годами косматыми бровей сказал:

– Уезжаю послезавтра.

– Далеко? – спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

– В Донецк.

Я закурил, здесь курить можно. Неро тоже закурил.

– Подожди... ты... воевать собрался? – спросил я.

– Ну, типа того.

У меня заныл затылок. Я налил ещё по рюмке.

– Ты серьёзно, что ли? – спросил я. – Тебе сколько лет?

– Так... – засмеялся Неро, колыша обширным мощным телом. – Сколько и тебе, Туманыч!

– То-то и оно, вес песок из ж... высыпался уже, что за фантазии перед пенсией?

– Если бы это сказала моя жена, я бы не удивился, но от тебя... – он захохотал, запрокинув голову, обнажая большущие, как у коня зубы в заднем ряду. – Мне пенсия не светит, Туман, а если бы и была, так я хочу ещё живым быть.

– Поэтому ты к смерти поближе? Подожди, бред какой-то несёшь, Неро. Чего сейчас-то несёт тебя, в 14-м надо было ехать.

– Дозрел, должно быть.

Нет, в голове у меня не помещалось. Ссора с Маюшкой, впервые в жизни, Неро, собравшийся на войну. Что ещё произойдёт?!

Домой я приехал далеко за полночь, совершенно пьяный, усталый и опустошённый. И не имея сил даже переодеться, сел в кресло. Мы напились вместе с Неро. О чём только мы не переговорили за эти несколько часов, что провели вдвоём. Довольно давно мы не проводили столько времени вместе. Мы говорили обо всём, о детях, о семьях, о работе, и, конечно, о том, что вдруг подвигло его отправляться в Новороссию.

– Да сколько наших уже отправились туда, я не первый, – перед мысленным моим взором говорил Неро, шевеля жёсткой седоватой бородой.

Я знаю, что не первый, но никто из моих близких друзей ещё не принимал такого решения.

– Я видал войну, Туманыч, мне не впервой. И не могу я сидеть, письма наших читать спокойно и ничего не делать, пока нам на головы бомбы посылают. Если там нужны воины, я стану одним из них.

– Был на войне... – повторил я. – Это ж... сколько лет назад было, Неро!

– Что с того? Слава Богу ещё не совсем одряхлел, чтобы не полезть в драку. Справедливую драку. И почувствовать себя настоящим мужиком.

Я покачал головой, если так рассуждать, без войны, выхо-

дит, мужики не куются.

Неро усмехнулся на это довольный и даже помолодевший, даже мысли о том, куда он едет, похоже, радуют его.

– Не мне рассуждать об этом, Туман, я не философ и говорить много вообще не умею. Но где ещё и куются стальные люди, как не в битвах?

Странно было бы спорить. Всё так, конечно, но только и не совсем так. Вернее, не полностью так. Всё сложнее, Неро! Куда сложнее...

И вот я сидел тут сейчас один в темноте, даже Юрик не пришёл примоститься ко мне на колени. На кровати спит?

Неро отправляется воевать. А если погибнет там?.. Так мало близких людей. И становится всё меньше.

Поэтому у стариков такая грусть в глазах? Сегодня я впервые подумал о том, как много мне лет... Но я всегда считал, что старость не вязана с возрастом. Некоторые рождаются стариками.

Я снова набрал номер Маюшки, плевать, что четыре утра. Ответа никакого. Я написал сообщение, плохо попадая пальцами в буквы, что там наисправлялось... Но может поймёт, до чего мне тошно, может, откликнется...

Дверь на террасу и дальше в лес была распахнута, и ветер влетал в помещение, залетал в камин и раздувал почти потухшее пламя над посеревшими дровами. Вальтер спал, ровно и спокойно дыша во сне, даже не слишком сопя. Я чув-

ствовала тепло его тела рядом, спокойствие его дыхания и сна, и думала, как я сделаю то, что пообещала Ю-Ю? Да и не в обещании дело. Как я сделаю то, чего хочу столько лет? К чему стремилась всю нашу совместную жизнь, будто все эти годы лишь ожидание?

А если Ю-Ю прав, и я не хочу уходить?

Да нет, хочу, хуже всего, что хочу! Все эти годы, всю нашу с Вальтером жизнь, я каждый день думала об этом. И не заметила, как крепко привязалась. И как я люблю этого большого мохнатого человека, который так любит меня. Непонятно за что, почему не возненавидел до сих пор и не вышвырнул. Но не только не выгоняет, дорожит мной...

Почему я не смогла отказаться от Ю-Ю? Почему за всю жизнь так и не оторвалась от него? Ничего без него не могу построить...

Я проснулся, как всегда просыпаюсь, если Майи нет со мной в постели. Всегда чувствую это, как бы глубоко ни спал. Оказывается, уже давно рассвело, солнце было высоко и светило ярко, заливая лучами, проходящими сквозь кружево листвы и сосновых лап, половину комнаты, ту часть, что возле террасы. Там золотится и светлый деревянный пол, и сами листья, чуть-чуть колышимые ветром, кажется, отбрасывают золотые блики. Я сел, оборачиваясь. Камин прогорел, дрова серыми призраками лежали в нём, уже не тлея.

Я умылся, хотя в ванную пошёл больше для того, чтобы поискать Майю. И стоя под упругими струями воды, думал,

куда же она запропастилась и где её искать. Уехала? Это, конечно, возможно, но... Странно было бы, если бы она и правда уехала вот так, не говоря ни слова, после такого хорошего вечера и чудесной ночи.

И всё же я заволновался. И уже вытираясь, раздумывал, как я стану её искать. Но выйдя из ванной, я застал мою жену, входящей из леса с букетиком ландышей. Увидев меня, она улыбнулась, сверкая и благоухая как сама весна.

– Встал уже? Я так и думала, не ошиблась, значит. Давай позавтракаем и пойдём гулять?

Её милый голос звучит так высоко, так славно, так молодо, и сама она в утренних лучах, с небрежно сколотыми волосами, такая юная, светящаяся, будто солнце обняло её и снаружи и изнутри. Светится её кожа, её волосы, кажется, даже через платье проходит её внутренний свет. Ах, Майя, ты мой свет...

Часть 20

Глава 1. Брат?

Я не мог и предполагать, что Майка видит меня во сне, тем более что она видит меня именно так. Но если бы я узнал это, то удивился бы только тому, что она вообще думает обо мне и радуется и мыслям этим, и снам. Потому что, зная то, что я знаю теперь, я ни чего странного не нахожу, что такой сон мог прийти в её сознание.

Дело в том, что я действительно приходил. Я видел её и её детей, и это было в мае. Но я не подошёл к ней тогда...

Но чуть позднее об этом...

После того, как Майка сказала мне, что, став моей женой, она не может быть моей женой, я, будто подхваченный невиданным ураганом, умчался вон из М-ска. Почти без сознания, без слуха, без зрения, без памяти. И ещё долго я не помнил себя, не наблюдал даже времени. Значительно позднее я с удивлением заметил, что прошло несколько лет. Именно тогда я и разыскал Майку, чувствуя, что не могу больше существовать, если не увижу её... Даже так как существовал до сих пор – без жизни.

И я увидел. Её, всё такую же, всё ту же, не изменившуюся нисколько, только какую-то милую, с новым взглядом,

какой-то незнакомой мягкостью в движениях, с новой улыбкой. И дети. Его дети. Похожие на него... особенно мальчишка.

Я стоял неподалёку, скрытый за ветвями и какими-то горками и каруселями, невидимый ею и понимал, что я потерял её навсегда. Если она с ним, если родила ему детей, она и правда любит его. Его. Не меня. Выбрала его из нас двоих.

Его...

Как я его возненавидел! Он притворялся моим другом, только чтобы быть ближе к ней. Чтобы отобрать её у меня. Лгал каждым взглядом, каждым рукопожатием. Все эти годы. Не она не лгала. Не лгала. Нет, она не обманывала меня. Я почувствовал бы. Я чувствовал каждое движение её души с самого первого дня, как увидел её, как сел с ней за парту. Поэтому я знал и знаю, что она любила меня. И я жил этим. Вся моя душа жила, потому что она меня любила. Что говорить обо мне самом, нельзя рассказать, как я любил и, увы, люблю её.

И поэтому я поверил, что она не может быть моей. Это правда. Это ей открылось неожиданно для неё самой, ошеломило её саму и заставило поступить так, как она поступила. И за это я тоже люблю её. За то, что не лгала, не стала жить с нами двумя, как могла бы. Как делали многие, как я убедился позднее, когда имел многочисленные связи с женщинами, которые были связаны узами браков или длительных отношений и не отказывали себе в том, чтобы развле-

каться со мной. У меня даже появилось с годами ощущение, что женщины идут на подобные связи куда легче и охотнее, чем мужчины. Ведь никто даже не забеременеет от женщин и не предъявит, если что, требование заботиться или платить, полная свобода...

Мне оставалось или умереть, покончив с собой, что я почти произвёл той жизнью, которую вёл в первые месяцы и даже годы после нашего расставания.

Я приехал в Москву. Поначалу я просто пришёл в первый же, попавшийся мне на глаза магазин и спросил, не нужен ли здесь грузчик. Ко мне вышел мордатый мужик с бритой головой, с наколками на пальцах, толстыми перстнями, прикрывающими их, и оглядел меня с ног до головы, небрежно цыкнув зубом.

– Откуда ты, лимита? Что-то не похож на обычного бича, – сказал он, ухмыльнувшись. – Пересидеть надо?

– От жены сбежал, – сказал я.

Он хмыкнул:

– Ну-ну, допустим, – и ещё раз оглядел меня, будто оценивая, но уже как-то иначе. – Ладно, заваливай, в подсобке топчан есть, жить, небось, негде?

Сначала я удивился его доброте, на Деда Мороза он не был похож, но быстро стало ясно, что платить надо за всё. Днём я работал как положено, а по вечерам, а потом и по ночам стали появляться поручения вроде пойти и сказать тому-то то-то, передать пакет, никогда не стал бы заниматься

этим, будь моя жизнь той, что была с Майкой, но не теперь, теперь мне стало всё равно... Но и это закончилось очень быстро, после того, как он застал меня за компьютером, где я страдаю от безделья ночью играл в тупейшие «ходилки».

– Это какой же уровень у тебя? – он вылупил коричневые глаза, похожие на жучков.

Я удивился, слежу я что ли за этими дурацкими уровнями, очумел от безделья, от отсутствия книг и даже телевизора.

– Так ты... рубишь, что ль, в компьютерах?

– Ну... так.

С этого вечера я стал можно сказать «штатным программистом» сразу нескольких группировок. Это было хотя бы не так скучно. Даже увлекало взламывать программы, которые мне приносили. Мне выделили квартиру в Сокольниках на двенадцатом этаже большого серого дома, мне нравилось сидеть на подоконнике обложенный со всех сторон моим «железом», вдохновляясь видом из окна.

Через год или два, я всё же попал в поле зрения тех, кто оказался недоволен, что я вообще существую на свете и работаю, очевидно, с успехом на «конкурентов», и меня попытались вначале поджечь в той самой квартире в Сокольниках, а потом даже подстрелили и я лечил ранение плеча и бедра, несколько месяцев провалявшись в больнице и думая, что рукой мне уже нормально не двигать.

Но меня поставили на ноги, хотя хромал я довольно долго, а рука вскоре действовала вполне сносно. Будь я музы-

кант, к примеру, плохо было бы дело, но обычному человеку страшноватые рубцы и небольшие ограничения не мешали жить, а работали обе руки почти одинаково.

Но зато это ранение вывело меня из-под интереса моих «чудесных» покровителей. Решив, что я не жилец, они оставили меня без внимания, и воспользовавшись этим, я скрылся, умолив моего лечащего врача и заведующего по совпадению, скрыть, что я жив.

– Как же ты будешь? Без паспорта сейчас хреново в Москве.

– В Питер поеду. И... зато неженатый буду теперь, – невесело усмехнулся я. – А то штамп есть, а жены нет.

Доктор усмехнулся:

– Куда ж девал-то? Или сама? – разглядывая меня с интересом.

– Сама, – нехотя ответил я.

Добрый доктор решил подбодрить меня и сказал почти игриво:

– Ну и чёрт с ней, эти с...

– Нет, она не такая, – сказал я мрачно.

– Чего ж не живёшь, если «не такая»?

Я ничего не сказал больше, и он перестал спрашивать. Так перевели меня в Питер в Военно-медицинскую академию под видом контрактника Иванова Андрея, детдомовского парня, погибшего в Чечне, и похороненного теперь под моим именем...

А я стал на год моложе, и получил вполне себе нормальное имя, хотя и скучал по-прежнему теперь. Только Иван Генрихович знал, что я жив. Но в Питере я не остался, хотя влюбился в этот город сразу, едва вышел из поезда и вдохнул холоднящего местного воздуха.

Но там, в Питере я встретил, не поверите, Глухаря, моего «закадыку» по летнему лагерю, в котором я встретил свои семнадцать лет, первый сексуальный и алкогольный и наркотический опыт, и триппер.

Он выглядел похуже меня, успел уже сделать пару ходок в «места не столь отдалённые», покрылся наколками, приобрёл бельмо и сломанный в лепёшку нос. Но надо сказать эти преобразования только добавили разбойничьей интересности его простецкой внешности.

Увидев меня в коридоре госпиталя, он радостно всплеснул руками:

– Метла!?! Твою ж мать, ты, чёрт, патлатый, глазам не верю!

Мы даже обнялись, вообразите. И вполне искренне. Даже я. Я правда был рад видеть его, как ни странно. Он навещал в госпитале приятеля. Всё выпросил у меня за сигаретой во дворе больницы и сказал, что отсюда мы уедем вместе, как только я выздоровею. Увидев некоторое замешательство на моём лице, он сказал, усмехнувшись:

– Да не бойсь, Метла, в ту же говёную болоту я тебя не тяну, – он толкнул меня в плечо. – Ты ж у нас парень голова-

стый, и с образованием, вот и... Короче, у меня брат есть, я ж рассказывал тебе когда-то, вон серьга его у тебя в ухе до сих пор... – он подмигнул. – Так вот, он в Дубне, в ядерном институте, этим... физиком-кибернетиком... хрен его знает... Словом, он говорил, у них «дефицит кадров», то есть нужны такие, как ты, ну ты понимаешь... Поглядишь. Всё лучше, чем под братвой, кончат так или иначе... Што скажешь?

Что я мог сказать? Мне и во сне не снилось, попасть в такое место как институт ядерной физики. Я думал, он почил, как почти всё остальное, оказалось, нет. И очень даже жив...

Вот так и попал я в Дубну. А немного позже перешёл в Курчатовский институт. И моя жизнь вступила в светлую полосу или встала на прекрасные, нормальные светлые рельсы, как ни скажи, но у меня появилось всё, о чём я даже не смел мечтать когда-то. И дело не в зарплате, квартире и чём-то в этом роде. Нет. Я обрёл осмысленность существования.

Но чем интереснее и насыщеннее становилась моя интеллектуальная жизнь, тем беднее, обездоленнее даже я чувствовал себя, едва отвлекался от работы.

Поэтому я почти каждый день думал о Майке, и каждый день останавливал себя, готового броситься искать её по Москве. Останавливал той картиной, что я увидел однажды майским днём сквозь ветви кустов и детские горки... Она теперь была не моя. Моя Майка стала чужой. Значит я должен забыть её и не думать, не представлять, как бы всё было, если бы...

Да, узнай я, что она видит навязчивый сон с той самой несостоявшейся встречей, что я вынашивал в своей душе и представлял в моей голове все эти годы, со всеми словами, что сказал бы, я бы не удивился, я многое узнал о природе волновых колебаний пространства, энергий, я узнал, какой колоссальной энергией обладает наш мозг, какая это невероятная, почти неправдоподобная вселенная, излучающая в пространство и время потоки ещё не расшифрованных и не понятых волн и возможностей. И обмена между этими вселенными, как между теми, что плохо поддаются воображению и по одной, из которых несётся песчинкой, как атом, наша Земля. И это ещё никто не сумел и даже не попытался исследовать душу...

Но я топил свою боль и одиночество в работе. В детстве и юности я только мечтал о том, чем занимался теперь. Мечтал и не думал, что это когда-нибудь осуществиться. Моя жизнь стала как фантастический фильм вперемешку с «Девятью днями одного года». Да-да, я тоже ходил в белом халате по бетонным и стальным коридорам, абсолютно отрешённый от окружающего мира.

Иван Генрихович бывал у меня в Дубне, а потом в Москве, я предпочитал не ездить в М-ск, вернув настоящие фамилию и имя, я всё же не хотел, чтобы меня увидели там. Хотя все те, кто когда-то пытался расправиться со мной, давно рассеялись на бескрайних полях кладбищ, а большинство по подмосковным лесам и канавам. Я просто не хотел в М-ск, где

я всегда был только с Майкой...

А вне сердца я жил так полно, как мало кто на этой планете. Все двадцать четыре часа суток были посвящены вдохновенной науке. Я счастлив. Это поднимает меня над землёй, когда ловишь мысль, как птицу счастья за хвост. Это настоящее полное и ни от кого, кроме меня и, может быть, Бога, не зависящее счастье. А чем глубже я погружаюсь в физические тайны мироздания, тем прочнее становится мысль о Боге.

Но, бывало, мысль не давалась или утекала между пальцев, вот тогда наступала тоска, хватала за сердце, заставляла вспомнить, до чего я несчастлив, одинок и несовершенен. Появлялись те самые, готовые на любые приключения женщины, изредка Глухарь, с которым мы напивались время от времени. Но таких моментов было немного. К моему счастью.

И главную часть моей жизни составляла теперь жизнь моего мозга. Много этапов, тысячи неудачных опытов, сотни удачных, открывающих, кажется, новые перспективы, но за ними только убегающие вдаль горизонты, всегда манящие и всегда недостижимые.

Но кое-чего за неполных пятнадцать лет в «Курчатнике» я всё же достиг. Лаборатория биополимеров, где в сотрудничестве с биохимиками, биофизиками, гистологами, анатомами, биологами, иммунологами, а позднее и врачами, мы, математики и физики, придумали и осуществляли задуманное: синтез настоящих биополимеров. Чтобы возможно ста-

ло для любого человека вырастить искусственный орган, если нужно. Абсолютно любой орган.

Создать 3-D модель, подходящую только конкретному индивидууму, на особый биополимерный каркас напылить клетки того самого индивида и получить готовый орган, который можно пересадить вместо больного или утраченного.

Пока это вполне осуществимо для полых органов и кожи, с теми, что называют паренхиматозными, дела обстоят сложнее. Хотя продвигались тоже и очень даже успешно: на каркас напылял клетки, главное было заставить их не стареть раньше времени и функционировать как положено.

Всё кажется просто, но только в теории. Однако, на практике клетки, то не хотели прилипать к каркасу, то гибли, то начинали безудержно размножаться, то напал неизвестный вирус и «поедал» всё. Так что мы выкручивались и так, и эдак, временами нападала хандра и безысходность, вот в такие дни я и погружался в разврат и пьянство, но это помогало, как ни странно: едва перестанешь думать неотступно, правильная мысль сама и придёт. И сразу оформленная, красивая, как невеста, будто нарочно скрывалась, причёсывалась, да платишко выбирала.

Так и пролетели полтора десятка лет, каким-то образом я оказался почти женат, то есть по-настоящему, сожительствовал с Оксаной, которая умудрилась родить мне сына двенадцать лет назад, свою копию: брюнетистого, бровастенького коротконого парнишку, учившегося на «сплошные» пятёр-

ки, даже поругать или расстроиться не из-за чего, хоть бы стекло какое-разбил или чей-нибудь нос, а то всё так спокойно и благополучно, что я порой забывал, что он у меня есть. Как и его мать. Она просто есть. А вместе с ней есть завтрак и ужин, теплая постель и готовая к моим ленивым ласкам женщина в ней. Надо сказать, я стал верным мужем, мне не для чего стало таскаться, ведь всё то же было у меня под боком, на всю эту бестолковую возню с изменами не было ни времени, ни желания. А если учесть, что я зарабатываю очень хорошо, очень редко пью и не лезу в Оксанины дела, то, думаю, моей «жене» не на что было жаловаться. О любви мы не говорили, то есть она говорила, я не спорил, чувствуя, что вся эта болтовня лишь сотрясение воздуха, не более, она уговаривает себя и меня заодно. Так, наверное, в её понимании всё было гармонично...

Но на что любовь, когда славно устроен быт, а весь день заполнен тем, что мы создавали с людьми, кто мне был куда ближе и Оксаны, и сына. Кто мыслил со мной на одной волне, кто способен продолжить начатую мной мысль, довести до конца и воплотить на практике идею, которую я выпускал в эфир.

Чем дальше, тем больше и полнее, тем затейливее становились мои мысли, тем дальше шли они по извилистым и неверным тропкам познания. И вот мы добрались все вместе уже обширной лабораторией до того, что настолько отточили и всеми возможными способами испытали придуман-

ную нами когда-то технологию, что ошибки стали исключены. Наши киборги, наши собаки, обезьяны, отличным образом выжили с искусственными тканями: кожей, которая даже покрылась шерстью постепенно, желудком, который работал, хотя пока страдал ахилией, кишечником, который работал отменно, мочеточниками, мочевым пузырём, сосудами, и проектом маточных труб, хотя это было очень сложно, таким манером суметь сконструировать каркас и клетки выстилающие внутреннюю часть, чтобы она функционировала как положено.

Вот с последним-то я и выступал на кафедре Акушерства и гинекологии, презентуя, как готовые к клиническим испытаниям образцы. Это не первый мой доклад перед докторами, где только не используют уже разработки нашей чудо-лаборатории и в Бакулевском, и в клинике Короленко, и в Бурденко, и в Склифосовском, вот пришёл черёд акушеров. Я особенно волновался перед этим выступлением, ведь здесь, на этой кафедре училась когда-то Майка...

В какой-то момент я с ужасом подумал, что увижу её. И что же я буду тогда делать?..

Я знал только одно, и это было особенно страшно, если она только кивнёт и поманит, я пойду за ней, куда бы не позвала. Только бы снова видеть её, целовать, просыпаться рядом с ней... Хотя бы ещё раз проснуться рядом с ней...

Но в зале её не было. Я почувствовал бы. Я бы сразу понял. Я всегда знал, где она. Теперь понимаю, почему: я чув-

ствую колебания среды, создаваемые Майкой, потому что я настроен на неё, я в резонансе с ней, я почувствую, если она только приблизится, окажется на расстоянии десятка шагов. Так было ещё в школе, так осталось и теперь.

Поэтому я быстро успокоился и толково и даже вдохновенно рассказал докторам всё, что собирался. И в эти сорок минут я впервые подумал, а не потому ли я занялся именно этой темой в своё время, что она связана с медициной, будто инстинктивно стремясь быть ближе к делу, которым занимается Майка...

После лекции ко мне подошёл один из местных светил и задавал много пытливых и толковых вопросов, на которые я с удовольствием ответил, пригласив его к нам в лабораторию стать медицинским куратором от акушерства. И он с радостью согласился. Мы договорились с ним о встрече.

– Иван Генрихович, с каким-то Юргенсом будем работать, хирург гениальный, весь такой... знатный, вальяжный, – рассказывал я Ивану Генриховичу о том разговоре, сразу запомнив примечательную для меня фамилию.

– Юргенс? И как зовут его? – заинтересовался старик.

И тут только я вспомнил, что он рассказывал когда-то о своём отце и фамилии...

– Погодите-ка, это... Валентин Валентинович его зовут. Не...

Иван Генрихович побледнел и снял очки, будто протереть, как всегда делал, когда волновался.

– А лет ему сколько? – спросил он пересохшим голосом.

– Лет... – рассеянно проговорил я, взглядываясь в него. Только бы с сердцем плохо не стало... – Постарше меня... лет... на десять, надо думать. Может поменьше.

– А если это мой брат? – сказал Иван Генрихович медленно.

Он сидел на диване в своей комнате, всё те же книжки, настольная лампа и даже кресло, только диван я давно заменил ему на новый.

Я сел рядом.

– Может и брат. Хочешь, чтобы я сказал ему? – спросил я. Иногда вот в такие минуты я называл приёмного отца на «ты».

Иван Генрихович снова надел очки и посмотрел на меня уже сквозь толстые желтоватые стёкла.

– Не стоит. Я... кто я такой...

– Брат, – сказал я, удивляясь, как это кто?.. – Или думаешь у него сорок братьев?

Но он покачал головой:

– Нет, Василий, я отрёкся от родства, – он вздохнул.

– Да когда это было! И какое время! И... сколько тебе самому было, ещё ребёнок...

Но Иван Генрихович упрямо дёрнул сухой птичьей головой:

– Какие времена... Дело не во временах, времена делают люди. Ты вот не отрёкся от матери, до самого конца. А я...

Нет, Василий, мне... стыдно. Что я скажу брату? Так боялся, что даже отчество не взял отца?.. Стыд какой...

Так мне и не удалось переубедить старика. Но на Юргенса я смотрел теперь с особенным интересом.

Глава 2. Искорки

Да, работать с Юргенсом оказалось одно удовольствие. Он не только умный и заинтересованный в проблеме человек, но и на удивление любознательный, он интересовался всем, что видел, каждым этапом работы, хотел изнутри понимать, как и что мы делаем и как это будет в результате работать.

Это правда. К осени я, можно сказать, с головой ушёл в работу с курчатниками. И этот Василий Андреевич мне нравился, умняга и без заносчивости прочих физиков, не строил из себя гения, хотя, когда я слушал с какой лёгкостью он рассуждает обо всех этих атомах, циклотронах и молекулярных бомбардировках, мне казалось, я говорю с богом олимпийцем, в его устах и руках всё получалось стройно и красиво, как Божье творение. Мне приходилось делать над собой усилие, чтобы не ахать, как пятикласснику, раскрыв рот, слушая его. Если всё получится, мы шагнём в новую эру медицины...

Я рассказывал об этом Майе дома, и тут уже мог позволить себе восторженный тон. Майя слушала заинтересованно, как умеет только она.

– Он даже с виду чудак, – улыбаясь невольно, вспоминая чудные футболки Метлы, как его звали его сотрудники, со всякими «Gun's & Roses», совсем такими, как люблю я сам.

– Что, как Перельман? – спросила Майя, усмехаясь.

– Да нет, иного порядка, куда более сексуальный.

Майя засмеялась:

– Ты стал разбираться в мужской сексуальности?

– Ну, ладно тебе... Но я же могу понять разницу. Нет, этот эдакий современный гений, смесь панка и металлиста.

– Старый панк? – захохотала Майя. – Или металлист в наколках?

– Да ну тебя! Наколок я не видел, кто его знает...

– Слава Богу, хоть наколок не видел! – не унималась Майя, – А то я уж напугалась, что ты влюбился в него, так восторженно рассказываешь!

– Ну что за стерва! – засмеялся и я, поймав её в свои объятия, зарываясь лицом в волосы и с наслаждением вдыхая аромат...

Вообще-то мы поджидали Ларису с её кавалером, тем самым что заставил нас понервничать весной. Теперь всё давно успокоилось: ребята поступили в нашу alma mater, причём Саша на бюджетное место, а Лара, набрала поменьше баллов на ЕГЭ и пришлось идти на платный, но, к счастью, мы зарабатывали достаточно, чтобы позволить дочери учиться. Наконец-то мы уговорили Лару привести Григория и познакомиться с нами. И Марта Макаровна с мужем тоже обещали быть. Эдакие широкоформатные смотрины. Только Ю-Ю не будет на сегодняшнем ужине.

Конечно, мы помирились с Ю-Ю. Конечно, простили друг друга и очень скоро. Эта ссора пошла на пользу, Ю-Ю пере-

стал неотступно требовать одного и того же, согласившись подождать несколько месяцев. Но несмотря на это я с каждым днём мучилась всё больше, пытаюсь представить, как я всё скажу Вальтеру.

Таня уехала в Европу на показы, а потом собиралась лично посетить несколько курортов, чтобы после написать обзор, так и сказала. Мы не встречались с самого мая. И мне казалось, что это потому, что они поссорились с Вальтером, Таня злится на меня. Все эти годы я всё знала об их отношениях. Таня не рассказывала, разумеется, напрямую, но всевозможными способами намекала, упоминала, всё вскользь, будто ненароком, но вполне отчётливо, чтобы я понимала: мой муж у неё на плотном крючке. Оскорбляло меня это? Нет. Я не ревновала. Я настолько виновата сама, что не имею права на ревность.

Но, к сожалению, дело было не только в этом. Я просто не ревновала. Как не ревновала и Ю-Ю. Но Ю-Ю никогда не давал мне повода задуматься над тем, что он интересуется другими женщинами.

Но с Вальтером было иначе. Иногда он нарочно говорил, будто невзначай, почти как его прекрасная любовница, о каких-нибудь девицах и женщинах, как они приглянулись ему... Зачем он это делал? Чтобы посмотреть, как я стану реагировать? Или ему было безразлично это, потому что он с самого начала знал, что в моём сердце тоже постоянно живёт Ю-Ю... Не знаю. Но важно другое, то, что были все эти

женщины, облегчало мне задачу. Будь иначе, знай я, что я исключительное явление в жизни Вальтера, я не представляю, что могла бы даже думать о том, чтобы уйти. Даже о том, чтобы постоянно встречаться с Ю-Ю, практически параллельно жить с ними обоими. Но получалось, что у нас открытые отношения. За мои тёмные пятна Вальтер позволил себе целую леопардовую шкуру...

Позвонили в домофон. Это Марта Макаровна и Володя приехали. Они привезли игристого вина и большой арбуз. Агнесса помогла мне накрыть на стол, и уже собралась уходить, встретила гостей в прихожей.

– О! Агнесса Илларионовна! Уходишь, я вижу? – я услышала голос моей свекрови.

Марта Макаровна выглядела чудесно по-прежнему, даже не думала о пенсии, была увлечена работой и заведование лабораторией не оставила. Володя, и она вместе разрабатывали уже не первую тему, снова секретную и важнейшую для минобороны на этот раз. Они были переполнены идеями и всё время казалось, что им трудно сдерживаться и не говорить всё время об этом. Так было всегда, когда они начинали что-то новое.

Я зашла к Саше и застала его со стихами Рембо. Он поднял голову:

– Пятиминутка прекрасного между неорганическими главами, – улыбнулся Саша, махнув чёлкой, тяжёлый шёлк его русых волос снова пополз на лицо. – Что, жених пришёл уже?

– Жених? Думаешь так серьёзно? – я села рядом с ним.

Саша тоже сел, спустив ноги на пол, и улыбнулся, посмотрев на меня:

– Да зашла такая глупость в Ларкину голову.

– Неужели ты думаешь, она серьёзно? Это так... глупо, – проговорила я, вот уж не было печали.

– По-моему, подростковый бунт, – Саша пожал плечами.

– Поздновато для подросткового бунта...

– Ну, мам... У каждого свой возраст стать подростком, – сказал Саша.

Неужели моя дочь такая глупенькая? Чего ради бунтовать? Что сделать, чтобы она поняла, что никто не собирается её ограничивать, держать в плену родительской любви. Даже Вальтер, хотя и не всегда, но сдерживает сиюминутные эмоции, человек умный и действовать, как отец-самодур не станет.

Ладно, не будем делать поспешных выводов, возможно, Саша ошибается, посмотрим, что за парень этот Григорий.

Парень он оказался обыкновенный, что касается внешности, не очень понятно, во что Лара так уж влюбилась. Впрочем, на вкус и цвет, как известно... Немного слишком модный, на мой взгляд, как говорил Уайльд: есть опасность выйти из моды. Вальтер и вовсе смотрел с подозрением, не слишком даже скрывая. Не считая нужным, как я полагаю.

Ещё бы мне не смотреть с подозрением и даже неприязнью на этого сопляка, когда он нагло разглядывал мою жену!

Да-да! Мало того, что он затесался к Ларисе, что само по себе уже невыносимо, так ещё смотрит на Майю с плохо скрываемым восторгом. Из него буквально искры начали вылетать.

Я тоже это заметила. Сероглазый блондин, хорошо и даже недёшево одетый, хотя и был галантен и внимателен к Ларисе, но то и дело поглядывал на Майю и глаза его вспыхивали искорками, а уголки губ подскакивали. Это сложно было скрыть, мне кажется, ничего не замечала только Ларочка и сама Майя. Приятно было только, что Майя вела себя достойно. Но в моей невестке я никогда не сомневалась, хотя я знаю все её грехи. Вальтер не говорил никогда, никаких подробностей, но я догадывалась по обрывкам фраз, по его голосу, что он беспокоен на её счёт. Возможно, именно эта неуспокоенность держала его около неё столько лет. А может быть нечто, что не поддаётся ни объяснению, ни описанию. Седина основательно запустила пальцы в волнистые волосы моего сына, но глаза горели ярким светло-синим огнём неизменно, и я убеждена, что это благодаря Майе. Он ожил когда-то и оставался живым именно потому, что она есть у него. Она его огонь, его энергия.

В целом вечер был приятным и даже иронические словечки Вальтера не портили его, тем более что он, кажется, сдерживался, как мог. И всё для Ларочки. И мы все постарались быть приветливыми.

– Как тебе жених? – спросила я Володю.

Он достал ключи от машины, пикнул ими, открывая за-

мок.

– Да... как сказать... парень, как парень, из современных. Айтишник – это сейчас модно. И как раньше слесарь – везде нужен.

– И оплачивается хорошо, – добавила я, усаживаясь на переднее сиденье, успела озябнуть на ноябрьском холоде после тёплой квартиры.

– Ну, это нам всё равно, вряд ли они поженятся.

Володя сел за руль, включилась приборная панель, осветив внутренность салона и наши лица красным, заработала печка и вверх по коленкам потекло тепло.

– Надеюсь, очень уж он паялился на Майю, – сказала я.

Володя засмеялся, заводя мотор:

– Ну, Майя очень привлекательна, что же удивляться.

– И для тебя?

– Для меня? Причём тут я?

Мы, наконец, поехали.

– Тебе понравился этот, как его... Григорий? – спросил Вальтер.

Мы были на кухне, куда перенесли уже всю грязную посуду, которую сгружали сейчас в посудомоечную машину, последние принёс Саша, а ещё остатки салатов, закусок и горячего – котлет по-киевски, и вина.

– Скатерть в стирку? – спросил Саша.

– Да. Спасибо, сынок, – сказала я, улыбнувшись ему через

плечо.

– Как тебе Гриша этот? – ещё раз спросил Вальтер, наливая вина в уже вымытые, но ещё мокрые бокалы.

Я пожала плечами, отвлекаясь от суеты, чтобы поддержать компанию. Вальтер расстегнул рубашку, так, что выглядывала его мохнатая грудь, правда было как-то душно, на улице потеплело, а топили слишком хорошо.

Я взяла бокал, протянула руку, чтобы чокнуться с мужем.

– За Лару, – сказала я.

Мы выпили по глотку.

– Ты не ответила.

– На что?

– Тебе понравился этот парень?

– Да парень как парень, ничего особенно противного или прекрасного.

– Да? А мне показалось...

– Что?

– Ты не строила ему глазки?

Я посмотрела на Вальтера, он действительно разозлился, захмелел что ли? Глазами сверкает, подрагивая ноздрями. Вообще не пойму. Ревновать к этому сопляку? Да ты что, Вальтер?

Но я ничего не сказала, что ссориться на ночь глядя, я устала и хочу спать, надеюсь и сам Вальтер тоже.

Но я надеялась напрасно, Вальтер злился всё больше.

– Он пялился на тебя.

– Ну и что, подумаешь, мало ли кому охота пялиться, – сказала я.

Я выпила вино и вернулась к уборке.

– Неужели необходимо самой заниматься всей этой му-рой? Неужели нельзя всё оставить Агнессе?

– Может и можно... Иди ложись, Вальтер, я сейчас.

Он выпил ещё вина, зло, залпом, и провёл ладонями по волосам, отставив бокал:

– Душ приму... И... – он посмотрел на меня, подойдя ближе. – Идём со мной?

– Ты злишься, – сказала я.

– Да злюсь! Злюсь ужасно, как последний дурак! Старый дурак. Поэтому и прошу, идём со мной, – он взял меня за руку. – Оставь всё это и идём.

– Вэл... – нехотя протянула я, ещё надеясь отнекаться. Но он крепко держал меня за запястье, горя взглядом...

– Валентин взревновал тебя к Ларисиному кавалеру? – захохотал Ю-Ю, обрадованно.

– Чепуха, – сказала я, жалея, что по привычке рассказывать Ю-Ю всё, рассказала и об этой глупости. Конечно, без подробностей, без упоминания, что было дальше... будто Вальтера возбуждали мысли о том, что кто-то ещё, кроме Ю-Ю интересуется мной...

– Что ж, я не удивляюсь, ты выглядишь моложе своих лет, это, во-первых, а во-вторых: если бы он не смотрел на тебя,

значит слепой.

– Ну, хватит, Ю-Ю!

– А тебе самой-то... Это приятно, наверное, – продолжил смеяться Ю-Ю.

– Зря рассказала, – досадую, сказала я. – Будто поговорить нам не о чем, с другого конца света явился и говорим всё о тутошнем, скучном.

– Ничего себе, о скучном! – засмеялся Ю-Ю. – Стоит уехать, как какие-то претенденты появляются!.. Да ладно тебе! – Ю-Ю обнял меня.

Мне приятно, что Юргенс злится по такому ничтожному поводу, что вообще замечает такие вещи, стареет, стало быть. Я тоже всегда видел, как реагируют мужчины на Маюшку, но не злился. Почему? Я так уверен в себе или в ней? Выходит, Юргенс не уверен?

– Может воспользоваться этим поводом, чтобы начать разговор о расставании? – сказал я значительно позднее, когда мы уже сидели в ресторане за нашим любимым столиком.

– Поводом? О чём это ты? – спросила Маюшка, разглядывая разные листья салата, разбирая его вилкой.

– Как о чём? Ты забыла?

– Я не забыла, – Маюшка отложила вилку и посмотрела на меня. – Но для этого не нужен повод. Я скажу и всё.

Она больше не прикоснулась к тарелке.

– Что, плохой салат?

– Да, без Неро разболтались здесь... – Маюшка откину-

лась на жёсткую кожаную спинку диванчика. – Он пишет?

– Редко. Люди отвыкли писать письма в современном мире. Звонки, соцсети, смс-ки, кто теперь пишет письма?

– Ещё совсем недавно писали, – сказала Маюшка, чуть-чуть улыбнувшись. – Помнишь?

Я усмехнулся, «помнишь». Я храню их все до сих пор, её письма. Милые полудетские письма 89-го года, в которых не было ни слова о том, как тяжело ей жилось...

– Май, не тяни больше, – сказал я, тоже прекращая есть. – Дети поступили, Лара того гляди замуж выскочит, не оттягивай, давай закончим этот треугольник. Я... в этой стране восходящего солнца извёлся весь, дни считал, не видел ничего. Один перелёт этот чёртов, думал с ума сойду.

Маюшка подняла глаза на меня:

– Это... не так просто.

– Это просто, если ты этого хочешь, – невольно разгорячился я.

Мне кажется, моя жизнь утекает между пальцев каждый день, а она тянет, она всё тянет, столько лет остаётся с Юргенсом.

– Ты любишь его.

Маюшка вздохнула, хмурясь:

– Не надо, Ю-Юша... Не начинай.

– Я не начинаю, Май. Я давно хочу закончить! Наконец закончить!

– Обязательно говорить? Лучше бы о Японии рассказал...

– попыталась она. – Может, просто займёмся любовью?..

Способ, конечно, самый лучший уйти от разговора, но и я правда не могу больше терпеть этого... И сейчас, лёжа рядом с нею, задремавшей, как обычно, я надумал вот что: я сам поговорю с Юргенсом. При ней. Хватит бояться, в себе я уверен, если не сделать этого, ничего так и не произойдёт. Она женщина, Юргенс отец её детей, в конце концов они столько лет живут вместе, конечно, ей сложно даже начать этот разговор... Что я, в самом деле, на женщину переложил всю ответственность...

Приняв решение, я сразу обрадованно успокоился. Действительно, мне стало легче дышать. Осталось только выбрать день, когда сделать это. Но это не так важно, когда именно это сделать. В ближайшие дни, когда и Майя и Юргенс будут дома и желательно, чтобы детей не было при этом разговоре. Лучше им всё узнать позднее в пересказе...

Глава 3. Необходимость

Всё, что подумали эти Юргенсы обо мне, всё правда. Я действительно не ожидал увидеть мать Ларисы такой, какой она оказалась. Ладно моложава, это полбеды, да и не подходит ей это жужжащее словечко. Она не «жава», она молода. Я не могу поверить, что Лариса, такая взрослая может быть дочерью этой женщины. Так она изящна и гибка, так открыта и легка её улыбка, так блестят её глаза, струятся тёмные волны волос. Лариса совсем непохожа на мать, статная красавица, она копия отца и бабки, будто былинные богатыри и их подруги, но Майя Викторовна совсем другая. Я не знаю, как это называется, вернее у этого много названий, но все они плоские или пошлые: манкость, притягательность, харизма... всё не то. Но увидев её, я не мог оторвать глаз. Не мог не смотреть, как она двигается, вслушиваться в переливы её голоса, журчание смеха...

Муж заметил, знает, каким сокровищем владеет, вот и держит уши торчком. Тут же возненавидел меня. Лариса решила, что отец ревнует её, я не стал разубеждать.

Сказать, что я влюбился – ерунда, я не влюбляюсь, это, как говориться, не мой формат, но я до безумия захотел эту женщину. И я должен узнать её...

Маюшка зашла ко мне в кабинет, дождалась пока я закон-

чу с пациенткой, и сказала:

– Илья Леонидыч, ваша помощь нужна, – сказала она, на работе мы всегда называли друг друга по имени-отчеству и на «вы», это было неизменно всегда, как белый халат. – Пациентка у меня. Абсолютно здоровая, ещё молодая, тридцать четыре...

– Могла бы помоложе быть, конечно... – отметил я, имея в виду, что в нашем деле важен каждый год.

– Да могла бы, конечно, но... Словом. Здоровы оба и муж и она, никаких аборт, патологий, но...

– Это всегда хуже всего: когда не видишь подводных камней. Они есть, только мы не можем обнаружить, чтобы уберечься от них.

– Может вы надумаете что-нибудь?

– Одну минуту, с картой закончу, не то потом не вспомню ни за что...

Я видел краем глаза, что Маюшка усмехнулась, знает, что я всё помню, но не люблю оставлять мелочи на потом, люблю закончить всё разом: пациентка ушла, всё закрывается. Я допечатал протокол осмотра, и мы отправились в Маюшкин кабинет. Вся атмосфера клиники пропахла сильнейшими современными антисептиками. Маюшкины духи чувствуются только если обнять её...

Пока мы шли, у Маюшки в кармане зазвонил телефон, просвечивая ткань вспыхнувшим экраном. Она достала свой айфон, я знаю, что этот сигнал у неё для посторонних звон-

ков. Посмотрела на него и нажав, опустила обратно в карман.

– Ты обычно отвечаешь. Кто это? – спросил я, сразу догадываясь, что звонит не пациентка, им она отвечала, здесь это заведено.

Маюшка отмахнулась:

– Потом расскажу, такая глупость...

– Юргенс сегодня дома?

– В Курчатовский собирался, – ответила Маюшка. И улыбнулась: – увлёкся, как мальчишка, приятно видеть его таким. Прямо одержим этими биополимерами.

– Да, я слышал. Пожалел, что на кафедре не остался, когда узнал, – ответил я, думая, что надо было на лекцию эту на кафедру съездить. Я вообще редко пропускал такие события, Волков никогда не возражал, чтобы бывшие сотрудники приходили на такие мероприятия, тем более, ко мне он относился особенно хорошо. Защищался после докторантуры я тоже у него, и научруком был у меня он, смеялся ещё, что подсижу его, профессора, теперь.

– То, что Вэл рассказывает об этом, прямо фантастика... даже на кафедре захотелось вернуться и тоже присоединиться к ним с физиками.

– Напроситься нельзя?

– Можно, – Маюшка посмотрела на меня. – А ты хотел бы?

– Хотел... хотел бы, но если Вэл главный там медик...

– С Волковым поговорить надо.

Я засмеялся:

– Хороший я человек, да? Жену забираю, ещё и открытие хочу отобрать.

– Открытие ещё только предстоит, может, твоей головы и не хватает там.

Это... конечно, мысль. Но как мне... Может и правда с Волковым поговорить. Вместе работать, мы с Юргенсом всегда мечтали об этом, и были счастливы в своё время этим... Не представляю, как это осуществить, но... В конце концов, он столько лет терпел моё незримое присутствие в своей жизни, дальше...

Я не додумал, потому что мы дошли до Маюшкиного кабинета. Пациентка из самых худших, когда при сотне разнообразных обследований не найдено никакой патологии, ни у неё самой, ни у мужа... И мы погрузились в размышления иного рода...

Да, я звонил Майе Викторовне. При первом же звонке взялся называть её Майя. Я не хочу признавать этот барьер, между нами. Я всегда получал всё, что хотел. Любую работу, должность, не зря быстро-быстро поднялся до диджитал-аналитиков самого крупного банка в Москве, и зарабатывал столько, сколько не снилось этим благополучным труженикам Юргенсам.

Увидев Ларису, я захотел её, это было всё равно, что поймать большую белую акулу. Так красива, сильна, с таким

независимым, даже резким нравом она оказалась. И я получаю удовольствие от нашего общения. Но Майя – это совсем иное. Это как украсть тиару Клеопатры, если, конечно, такой артефакт где-то сохранился. Эта идея захватила меня, как ничто до сих пор.

– У тебя приятная семья, – сказал я, когда мы с Ларисой шли после той первой встречи с ними.

– Да ничего. Это ты дядю Илью ещё не видел, он вообще персонаж необыкновенный.

– И чем же?

– Во-первых: он доктор наук и вообще гений репродуктологии, у него и бревно с парковой лавки родит. А во-вторых: он байкер, он живёт в мансарде со старым котом. Он и его друзья на таких же крутейших Харлеях и Хондах рассекают по Москве, да и по всей стране... Мы с Санькой бывали на их сейшнах в детстве...

– И где же этот твой дядюшка?

– В Японию уехал на стажировку, вернётся на днях. Но у нас он не бывает. У них конфликт какой-то с папой. Хотя когда-то были друзьями, фоток из их юности полно дома, весёлые такие фотки, на «полароид» сняты.

– Так он брат твоей мамы? Или чей?

– Нет, не брат. Дядя. Ей дядя и нам.

– Мама тоже не общается?

Лариса засмеялась:

– Да ты что?! Они дружищи такие! Мама его зовёт «Ю-

Ю», как в детстве, прикольно, да? Жить не могут друг без друга. Она его подруга-байкерша тоже. Папа не терпит даже упоминания его имени в доме, но мама видится с ним каждую неделю. Они... не знаю, ближе, чем они друг другу... Только мы с Санькой такие друзья.

Я слушал вполуха про этого дядю, но меня заинтересовало, что Майя, оказывается, такие неожиданности в себе хранит что ещё, интересно. Мне становилось всё интереснее...

Когда я позвонил в первый раз, Майя удивилась, что я звоню и обеспокоилась, что что-то произошло с Ларисой. Но выслушав, что с её дочерью всё нормально, удивилась ещё сильнее.

– Мы могли бы встретиться, Майя Викторовна?

– Разумеется, приезжайте, я буду дома после пяти.

– Я хотел бы увидеть вас где-нибудь на нейтральной территории.

– Что за секреты? Приезжайте к нам, если у вас есть разговор.

– Майя Викторовна... – начал было бляеть я.

Но при всей внешней мягкости Майя отбрила меня одним махом:

– Всего доброго, Григорий, надумаете приехать, милости просим.

Так что я стал осаждать эту крепость поначалу звонками, пока она не заблокировала мой номер. Тогда я взялся звонить с самых разных телефонов, из моего офиса, брал труб-

ки моих приятелей... Словом, надеялся взять измором. Но уступчивой и предупредительной эта женщина была, похоже только со своим мужем, как я успел это заметить во время того ужина.

А может мне жениться на Ларисе? Тогда уж тёща никуда не денется от меня. Придётся общаться...

– Ну нет, – выдохнул Юргенс. – Не пойдёт так, ты ж видишь, Метла!

Мы вместе вглядывались в помещённую в физиологически выверенную среду искусственную маточную трубу. И на мониторе компьютера видели, как ведёт себя просвет.

– Да что не так-то?

Мы оба стояли, склонившись над толстым стеклом, за которым и происходило действие в одинаковых позах двух дачников, опираясь в коленки ладонями и оттопырив зады.

– Да всё не так! Это же не кишка тебе, чего она перестальтирует?

– Сам говорил, должна продвигать...

– Продвигать... не пищевой комок тут двигаем! Должен эпителий работать... а у нас... Ерунда, халтура, не пойдёт так! – он разогнулся.

Я разогнулся тоже. Что ж, полгода работы коту под хвост?

– Туда-туда, – кивнул Юргенс. – Подумать надо...

Я посмотрел на него, в том, что он прав я не сомневаюсь, я доверяю своим консультантам-медикам, они знают тайны,

О каких мне неведомо.

– Пошли, пообедаем. Мозгам нужен отдых.

Юргенс хмыкнул:

– Выпить ещё предложи!

– Это с ещё большим удовольствием. Только... домой ко мне не пойдём. Там жена, сын... В кабак пойдём. Поддадим, поедим. Может что само в голову и придёт.

Я обернулся по сторонам:

– Ребят, кто с нами в кабак?

Но желающих посреди недели не нашлось, у всех было много работы, у каждого то, что мог делать только он, все ответственные и увлечённые люди, это руководитель может позволить себе творческий загул на вечер.

И мы вышли из лаборатории вдвоём, пройдя множество коридоров, дверей, сели на машинку, что, преодолев почти километр расстояния до выхода, привезла нас до вестибюля. Многие у нас ездят на велосипедах и гироскутерах, самокатах, машинок на всех не хватает. Юргенс пошутил, увидев ее впервые:

– Это гольф-мобиль, что ли, у вас?

– Это голь-мобиль. В том смысле, что голь на выдумки хитра, – ответил я, не смущаясь.

– Значит сын у тебя? Сколько лет?

– Двенадцать. Тринадцать скоро.

– Тебе самому-то сколько? Сорок три? – он взглянул на меня.

– Сорок четыре. А тебе?

– Пятьдесят три. Моей жене сорок три, почти как тебе.

– Моя моложе.

Юргенс засмеялся:

– Ну ясно! Красивая?

Я пожал плечами:

– Очень.

– Сын хорошо учится?

– Отличник, ужас какой-то!

И мы захохотали. В этот вечер мы говорили обо всём на свете, только не о маточных трубах, будь они неладны, ворсинчатом эпителии, гладкой мускулатуре и прочей требухе. Мы не говорили даже об удачных прошлых опытах, когда нам удалось уже с ребятами сделать и трахею, и бронхи, и те же кишки, а с нашими сосудами уже ходили несколько десятков человек.

Мы говорили обо всём, даже о политике, о выборах в Америке, о том, как всех повеселил и даже обрадовал нетривиальный выбор американцев в лице Дональда Трампа.

– Как сказала моя жена: «по-моему, американцы выбрали бы кого угодно, только не эту тётеньку», – сказал Юргенс.

Я захохотал:

– Повезло тебе с женой, я смотрю, познакомил бы хоть!

Он тоже засмеялся, мы набрались уже изрядно.

– Это забудь! Видали мы таких, ушлых! – взмахнув большими ладонями, засмеялся он. – Тут к моей дочке жених

пришёл, так что ты думаешь, весь вечер с моей жены глаз не сводил! Так что, знакомить не буду! Втюришься ещё! На черта мне проблемы?!..

И мы хохотали до слёз. Он рассказал и об отце, о матери, что до сих пор успешно руководит серьёзной лабораторией в институте Гамалеи, о том, что отец был секретный биолог...

Удивительно, до чего тесен мир, Юргенс действительно тот самый Юргенс, брат Ивана Генриховича. И от него я узнавал сейчас то, чего не знал Иван Генрихович... Я долго думал потом, рассказывать ли мне об этом старику, не огорчит ли его всё это.

А я думал о другом, когда совершенно пьяным меня вёз в Москву служебный «форд», выделенный на сегодня для меня. Я думал, что нам с Метлой отчаянно не хватает ещё одной головы. Ещё одного человека. Золотой головы и человека, которого я, несомненно, убил бы при встрече. И почему нас судьба развела с Ильёй?!

Я бы, действительно, взял Майю, она тоже соображает отменно, но шутки Метлы, его молодость и привлекательность, не внушают мне в этом смысле оптимизма. Этак я не смогу работать, только и стану думать, этот искристый гений смотрит на неё или нет. Нет, это не вариант.

Волков не пойдёт, он загружен выше головы, ему не до этих свершений. Мне нужен Илья. Чтобы совершить это открытие, собрать этот кубик Рубика, мне необходим именно Илья, чтобы черти его взяли, гада!

Глава 4. Старые друзья

Я размышлялась после диагностического высказывания. Катастрофическое положение, похоже, у этой молодой, двадцативосьмилетней женщины, рак. Эндометрий только послали на гистологию, но я вижу, я чувствую по структуре, по самой матке даже, что всё плохо. И не удивлюсь, если окажется, что это самый худший вариант, низкокодифференцированной опухоли, я подозреваю именно это...

Когда-то мне казалось магией непостижимое чутьё Волкова, Ю-Ю, Вальтера, теперь я сама стала такой же ведуньей. Мне так и не удалось стать виртуозным хирургом, как Ю-Ю или Вальтер, но диагност и я теперь на редкость.

Вытирая руки, я заглянула через окошко, пациентку уже увозили из операционной, ещё только просыпается после наркоза. Бедная женщина, вместо ЭКО, вместо тревожных и счастливых хлопот с беременностью и ребёнком, ей предстоит теперь длительное лечение и это, если опухоль не протянула клешней ещё по всему организму...

Как близко ходят счастье и горе. Двадцать восемь лет, значит, она родилась в 88-м. Мне было пятнадцать, Васе – шестнадцать, Ю-Ю – двадцать четыре. Совсем другой тогда был мир. Не тот, что потом, что теперь.

Вернувшись в кабинет, я обнаружила шесть пропущенных вызовов в телефоне. И всё один и тот же чёртов номер.

962... , я стала отличать. Блокировки обходит как-то. И что прицепился? Вот глупость. До какой степени цинизма всё же доходят люди: подбивать клинья к матери своей девушки...

Но я тут же перестала об этом думать. Рабочий день подошёл к концу, пора домой. Ю-Ю уже уехал, сказал, на кафедру, к Волкову, зачем, интересно? Вальтер так увлечён сейчас работой, как никогда ещё не был раньше, и даже приезжая изредка пьяный, он не злой, как бывает в таком состоянии, а даже какой-то благодушный, шутил, обнимался. Что-то хорошее там в Курчатовском с ним происходит, таким увлечённым я ещё не видела его.

Таня пропала совсем на своих Бали и Мальдивах, даже не звонит. Присылала только фото через ватсап. Но регулярно и самые красивые, какие только могли быть. Кто-то снимает её там. Ещё бросит Вальтера, нехорошо будет...

Снова зазвонил телефон, на сей раз это был Слава, мой дорогой друг. Он теперь был главным в одном многопрофильном центре, меня звал туда не раз, но мне очень нравилась наша «Вита», и порядками, отношением к персоналу и делу, тем, что мы здесь занимались не только зарабатыванием денег, но и не отставали от всех веяний мировой науки, сотрудничая и с кафедрами, и с университетами и клиниками по всей стране. Наш директор при всей жесткости, был человек широких взглядов и хотел, чтобы сотрудники росли, а не только набивали ему кошелёк. И это очень умно, это вклад в будущее клиники.

Но Слава был человек масштабный и его медицинский центр имел и стационары. «Хочешь, для тебя родильное открою? На столько коек, на сколько скажешь? Будешь в амбулатории вести своих женщин до самых родов, и рожать будут у тебя. Полный цикл от зачатия до кулька с бантом?» – говаривал он. Хотя я не рассматривала всерьёз это предложение, нельзя сказать, что оно совсем не привлекало меня, но работать рядом с Ю-Ю, видаться так каждый день было для меня важнее. Если бы мы работали отдельно, я бы не выдержала.

– Планы есть на ближайшие часы? – спросил Слава.

– Нет, поужинать пригласишь? Или приближение Нового года обсудить? – засмеялась я.

– Ну... не без этого. Заеду через полчаса, идёт?

Мы встречались таким образом время от времени, Слава так и не женился, и не из-за СПИДа, конечно, которого у него не оказалось, деньги шли ему в руки и карьера удавались ему, но в отношениях с женщинами не везло.

– Или им не везёт со мной, – говаривал он, расставшись с очередной девушкой. – Вот, Майя, подарки-поездки, а всё мало, всё не то, что ей, оказывается было надо. С другой начинаешь вести себя иначе, получаюсь скупердяй. Что вам надо, женщинам?

– Ничего не надо, когда влюблён, Слав. Само всё происходит.

– «Влюблён»... – отмахивался он. – Я в тебя, допустим, влюблён и что?

– Мы с тобой друзья, это много.

На это Слава только усмехался грустно.

А я продолжала шутливо успокаивать его:

– Ты ничего интересного не потерял, поверь мне.

– Да ну тебя! – отмахивался Слава.

Но такие разговоры у нас случались нечасто. Было о чём говорить всегда, со Славой было легко, он ничего не хотел от меня, он умел выслушать и рассказывал о своих проблемах и далеко не только о девушках, о девушках даже редко, я вообще никогда не распространялась о мужчинах, понимая, что он всё же неравнодушен ко мне, всё равно дружба началась с его влюблённости. Но сегодня я отступила от правил, возможно потому, что тот, о ком пошла речь мужчиной для меня не был.

У меня зазвонил телефон, взглянув на экран, я не узнала номер, и, посчитав, что это пациентка, ответила. Но я ошиблась, это опять был Григорий.

– Вы не звоните больше, Григорий, это некрасиво, – сказала я, узнав его вкрадчивый голос.

Он начал было ответ, но я отключилась.

– Что, поклонник? – спросил Слава, глянув на меня, мы остановились в пробке.

– Мы так с тобой будем ехать весь вечер, припаркуй где-нибудь и пройдемся, – сказала я, включая в телефоне авиарежим, чтобы вообще никто не мог дозвониться.

Слава последовал моему предложению, хотя и это было

непросто – вырулить к обочине, стоянка здесь была платной, только поэтому мы и нашли место.

– Заблокировала бы, что так огорчаться? – сказал Слава.

– Да заблокировала я, он придумывает, как обходить.

– Встретилась бы, убудет от тебя, что ли? – усмехнулся

Слава, оглядывая улицы, в поисках кафе или ресторана.

– Вообще-то убудет, – сказала я, пряча телефон в карман.

Слава обернулся на меня, усмехнувшись, и обнял за плечи, поцеловав по-дружески:

– Пионерка честная! – сказал он, смеясь.

Вот кафе нашлось, именно кафе, хорошо, что хотя бы салаты там подавали, я проголодалась.

– Возьми вина, Слав, или коктейль, я замёрзла. Полусладкого, красного.

– Может, глинтвейна?

– Э-нет, глинтвейн только на ночь хорошо, для сна, а выходить опять на холод, верный способ подхватить простуду, – сказала я.

Я смотрел на неё, сидящую напротив меня, через стол, и думал, что прошло столько лет, скоро тридцать, как я знаю её, а она мне нравится всё так же. И даже возраст её не берёт, хоть бы растолстела или поседела хотя бы. Очки надевает для чтения, это я видел, а в остальном... Мне кажется, она даже красивее становится. Как это может быть?.. Никак, просто я влюблённый идиот.

– Так что за поклонник? Может, расскажешь?

– Может, морду ему набьёшь? – нахмурилась Майя.

– Так достал?

Майя вздохнула, взглянув на меня, подождала, пока официантка, принеся вино, нальёт нам вино и отойдёт от стола.

– Достал – ерунда, меня это не парит, как сейчас говорят. Хуже всего то, что этот Григорий – парень Ларисы.

– Да ладно! Она знает?

– Нет. Что я скажу: «детка, твой парень делает мне недвусмысленные предложения»?

– А может, он вовсе и не имеет ничего такого в виду? Может, просто хочет наладить отношения с мамашей своей девушки?

– Если бы, Боже... – скривилась Майя. – И я думала так, как дура пошла встречаться, а он, с цветами, с комплиментами, пошлее я не слышала в жизни, и с предложением в лоб. Думает, если я престарелая тётя, то можно вот так, без обиняков. Вообрази. Я, честно говоря, обалдела.

Я засмеялся, вообразив, как она обалдела.

Тёплый салат с говядиной был неплох, Майя улыбнулась в ответ на мой смех, качая головой и разглядывая салат, разбирая его вилкой.

– И что ж ты сказала, интересно, когда обалдела?

– Да что... я же говорю, обалдела. А он, решил, что я молчу, потому что не против. И начал... – она скривилась с отвращением, – что снимет квартиру для наших встреч, уже

нашёл, что муж ничего не узнает, и тому подобная лабуда. Вот что в голове у человека?

– Ясно, что! – я смеялся до слёз, привлекая внимание других посетителей.

– Да ну тебя, обхохотался... – смущаясь немного, но всё же с улыбкой проговорила Майя. – Всё, давай, не будем больше говорить об этом, противно.

– Давай не будем, – согласился я. Но не выдержал и опять захохотал: – Хотя прикольно, согласишься! Ты мне никогда раньше о своих мужиках не рассказывала.

– Это не мужик, а проблема.

– Мужик всегда проблема.

– Тебе виднее, – засмеялась Майя.

Мы не возвращались больше к этому, поговорили о работе, я рассказал о том, что я недоволен новыми кадрами. Что они как-то формальны, без искры.

– Что, не такие советские как мы? – усмехнулась Майя.

– Ну да. Надо же, когда-то казалось, что советское всё плохо, а теперь...

– Всё требует переоценки, Слав. И мы изменились и мир. Всё другое. И всё то же. И те же.

– Те же, да... Как муж?

– О! – она улыбнулась, блеснув глазами. Ей приятно о нём говорить. – Увлёкся ядерной физикой, не поверишь! Ездит на Щукинскую почти каждый день, с тамошним гением сидят над каким-то прорывом, биополимеры. Скоро матки

штамповать начнут.

– Да, я слышал о таком, в кардиохирургии и ангиохирургии уже используют вовсю, – сказал я. – Ты сама не хотела бы поучаствовать? Это интересно, должно быть.

– Это на кафедре надо обратно. И... – она улыбнулась, покачав головой. – Вальтер сказал буквально, когда я попыталась напроситься: «там красивый умный мужик, а я тебя с собой притащу, чтобы вы с ним любовь закрутили?!»

Я захохотал.

– Любит, значит.

Майя качнула головой.

– Ага... его пассия прислала очередное фото, из Чили теперь.

Да, сегодня необычный день, мы никогда столько не говорили о Юргенсе, тем более в таком ключе. Мне всегда хотелось спросить, как она это выносит, его связи на стороне, как он терпит вечное присутствие в её жизни Ильи Туманова, но мы столько ссорились когда-то из-за этого, что мне не хотелось начинать снова.

Но я вдруг сказал то, что в общем она давно знала, но я всё же хотел это сказать:

– Майя, ты... если что, мало ли... Словом, я всегда буду рад принять тебя, если надо. И на работу. И даже в мою квартиру.

– Слав... это великодушно, но...

– Не хочешь спать со мной, не спи, буду мучиться дальше

со всеми этими дурами. Но...

Майя рассмеялась:

– Спасибо, друг, только я хотела сказать, что не думаю, что мне понадобится когда-нибудь куда-то уходить. Но спасибо.

– Буду рад стать запасным аэродромом. Ты на Везувии живёшь, и знаешь об этом...

Я разозлился, в очередной раз получив отказ. Вот ещё hard нашлась, можно подумать, отбивается от предложений каждый день.

Мы встретились с Ларисой сегодня, как обычно, и пошли к ним. Я настаивал, Лариса сказала, что ей на отработку надо в институт, но я напросился дожидаться её. Её брата дома не было, где болтался этот юный гений, неизвестно. Валентин Валентинович рано не приходит в последнее время, так говорит Лариса, ездит куда-то в Подмосковье, я уже и забыл, куда. Но вот Майя должна скоро явиться. На это я и рассчитывал. Поэтому, я затаился в спальне у Ларисы, включив компьютер и просматривая свою страничку в Facebook'е, и прислушиваясь к звукам в квартире.

Сегодня я в Курчатник не поехал, я съездил к Волкову, чтобы поговорить насчёт привлечения Ильи к нашей с Метлой работе. Да-да, я передумал много дней и ночей, мы снова и снова повторяли с Метлой наш опыт, но всё было то

же. Труба или изображала кишку, или провисала веревочным мостом, или спазмировалась, или... словом всё с новыми вариантами, но только не того, чего мы добивались.

Здесь, в старинном здании, кажется, время замерло. Мне всякий раз так кажется, когда я приезжаю сюда. Вот и искусственную ёлку нарядили в коридоре, такую же какие были ещё в моём детстве, тощую, и игрушки такие как тогда, стеклянные, немного выцветшие от времени и «дождик». Или это «местные жители» сёстры и акушерки тоже ностальгируют? Надо же – Новый год на носу...

Волковский кабинет тоже такой же, как всегда, конечно, компьютер новый, мебель сменил, но лампа у него всё та же, добротная, ещё из эбонита. Волков изумлённо посмотрел на меня, когда я, объяснив свои мотивы, высказал свою просьбу.

– Что, к старости решили старую дружбу возродить? – хохотнул он.

– Ну да, венками запахло, вот и... – засмеялся я, в ответ, сам Волков старше меня лет на пятнадцать, так что от него намёк на мои седины не обиден.

– Ну и славно, кивнул Волков. – Добрые ссоры на хрен никому не нужны. Бери, конечно, я полставки даже найду ему. Майю не хочешь туда же привлечь? – он посмотрел на меня с интересом. – Она головастая, её можно, опять же, в мужское царство присутствие женщины вносит необходимую искру.

Я усмехнулся:

– Боюсь, вокруг Майи всё заискрит так, что всю ядерную физику спалит нам к чёрту.

Волков прищурил чёрные глаза, но не сказал ничего больше. Мне всегда казалось, что он понимал и знал куда больше, чем говорил.

– Андрей Владимирович, только... я... Знаешь, что, я попросить тебя хочу...

Я нахмурился невольно. То, о чём я собирался попросить его ещё, уже посложнее, но, может быть его понимание и в этом поможет мне?

– Ты не мог бы... Словом, мне неудобно приглашать Илью напрямую, мы плохо расстались с ним...

– Хочешь, чтобы я?

– Это логично, ты завкаф.

Волков хмыкнул, доставая сотовый:

– Поганцы, всё бы моими руками жар загребали, – шутиливо проворчал он.

Илья ответил скоро. Волков в двух словах поприветствовал его, спросил, как тот съездил в Японию, вот так, я и не знал... А потом сказал без лишних предисловий:

– Работу хочу предложить тебе, Илья Леонидыч, ты не спеши отказываться, не со студентами возню, с физиками Курчатовскими. А... вот-вот, слышал, значит, – Волков посмотрел на меня, многозначительно играя косматыми бровями. – Так что? Перспективы заоблачные и интересно, как раз для таких как ты, беспокойных, согласишься?.. Вот и от-

лично, всегда знал, что ты дальновидный человек. Приезжай завтра, оформим всё чин чином. Полставки хватит доктору наук или целую хочешь?

Что ответил Илья, я не знаю, это не так и волновало меня, главное, что я получил его. И работа пойдёт, если не подерёмся, и на глазах у меня будет, сволочь, хоть думать о нём неотступно перестану. Держи друзей близко, а врагов...

Очень довольный, что всё же сделал так, как подсказывало мне чутьё, как диктовала логика, я спустился во двор Первой Градской, декабрьский снежок припорошил машину, только на капоте слипся льдинками от тепла мотора. Подступали сумерки, что ж, пока до дома по пробкам доеду, стемнеет. А может нет пробок? Теперь бывает, попадаешь нормально...

Булькнул телефон, сообщение ватсап от Тани. Не писала и не звонила, с тех пор как мы расстались ещё весной. Я уважал её гордость, хотя бы рассталась достойно, не стала навязываться. Но что это тогда?

Это было... Это был короткий видеоролик, буквально трансляция, потому что всё те же ранние зимние сумерки... и Майя, в сером не по погоде тонком пальтишке, без шапки, замшевые ботфорты на тонких ногах... Озябла, простынет...

Но нет, она не одна, оказывается, тут есть кому согреть... Какой-то хлыщ, с модно намотанным длинным шарфом, научились все мотать, никого не удивишь теперь... он обнял её, и... поцеловал даже. И она не воспротивилась. Он близ-

кий ей человек, привычны движения, он смотрит ей в лицо влюблённо, под кепи лица не видно, но очевидно по всему... Она телефон прячет и... зашли в кафе...

Я достал телефон, чтобы позвонить ей. Нет, вне зоны. Отключила нарочно, чтобы никто не мешал.

Вот так, я тут мучаюсь, как мне Илью для дела позвать, а она плевала давно на него, вон, новый какой-то счастливец. Доездили я к физикам. Пока открытие совершал, жена не налево, вообще вразнос пошла...

Я не помню, как я доехал до дома.

Глава 5. Гнев

Я приехал к дому Юргенсов на Кутузовский около шести. По моим расчётам сам Юргенс должен быть дома, я звонил в «Пятнашку», мне сказали, что он сегодня был и уехал около получаса назад. И Маюшка скоро приедет, на звонки не отвечает почему-то, но это бывает в метро. Она машину не водит, я вожу её на машине, всё же купил ещё во времена малышей, куда было деваться, не на Харлее их было возить в самом деле, но тот седан я года четыре назад сменил на porsche, который нравится даже Маюшке, привожу и высаживаю её за два дома до их, но не сегодня. Харлей на приколе до весны. Впрочем, у нас был и второй, теперь японец. Пару лет, как мы купили его, но Харлей был почти как приятель, как Юрик, его мы любили, к новичку привыкали.

Звонок Волкова застал меня как раз по дороге. Он немного удивил меня, но я согласился, не думая, и удача, что не пришлось напрашиваться. Неужели всё само складывается как мне хотелось? Или Юргенс отказался? Что гадать, завтра поеду к Волкову, всё прояснится.

Сейчас главное, то, что составляет нерв всей моей жизни. Наконец, я решу это. Теперь Маюшка окажется свободна от кандалов долга, которыми Юргенс сковал её.

Я вошёл в подъезд, консьержка подняла лицо и посмотрела поверх очков.

– Вы к кому, молодой человек?

Спасибо за «молодого человека», подумалось мне, но удивительно, что ещё существуют такие анахронизмы в Москве. Впрочем, дом, можно сказать, старинный, так что иметь тут прежние порядки вроде как в порядке вещей.

– Я к Юргенсу Валентину Валентиновичу, он дома? – спросил я.

– Да.

– А Майя Викторовна?

– Нет ещё, но она задерживается редко, так что поднимайтесь, скоро и она придёт. Лифт налево, – сказала словоохотливая со скуки консьержка. Вот выболтала всё, а ведь видит меня впервые... Хотя у них тут камеры, конечно, но тем не менее, мало ли что я за проходимец?

А сам подъезд изменился мало. Только стало ещё чище и светлее, цветные плиты на полу сменились мраморными, все светильники горят, вернее включаются, как проходишь, всё продумано очень толково и красиво, респектабельный дом, почти буржуазный, старые деньги, не нувориши живут здесь, интеллигентные московские семьи.

Почему же Майи ещё нет? Странно... Хотя пусть, это хорошо, что её ещё нет, несколько слов я хотел бы сказать старому другу с глазу на глаз.

Юргенс открыл мне. Ещё переодеться не успел, едва узел галстука распустил. Он удивлённо взглянул на меня, остановившись у раскрытой двери.

– Ты сто лет прожить хочешь, я смотрю.

Я давно не видел его так близко, вернее, давно не смотрел на него, если мы и встречались, я предпочитал не смотреть ему в лицо, как и он мне. И вот мы смотрим друг на друга.

– Соскучился, что ли? – спросил я. – Впустишь или так будем стоять?

– Входи, – немного растерянно проговорил он, отступая, шаркнув домашними туфлями по паркету. – Что, не вынесла душа поэта, примчался о Курчатовском проекте поговорить?

– О Курчатовском проекте? Ну да... – проговорил я, без неожиданности, я думал об этом всю дорогу, чтобы не думать об истинной цели и не накручивать себе нервы.

Как говорил Штирлиц, в разговор надо войти. Выйти мне будет легче, ломать не строить.

Юргенс прошёл вперёд, провожая меня в гостиную. Квартира сильно изменилась. Теперь здесь не было уже следов Марты Макаровны, но и не сплошь была Маюшка, как у меня, всё здесь очень подходило самому Юргенсу, большому, добротному, сильному мужику: тяжёлая мебель из тёмного дерева, большие картины, зеркала, толстые ковры.

В гостиной низкие кожаные диваны и кресла, столик, я снял пальто, бросив на подлокотник, оно сползло на сиденье по толстому коричневому боку.

– Выпьем, может? – спросил Юргенс, обернувшись.

– Непременно выпьем, Вэл, но позже.

Он посмотрел на меня.

– Чего же позже, не виделись сто лет. Мировую поря выпить. Тем более, повод есть.

– Поговорим? – сказал я.

– Хочешь определиться сразу, кто будет главным?

– Главный – твой физик, как я понимаю, – сказал я.

– Это верно, но между нами тоже надо бы...

– Может член достанешь, померяемся?

Он усмехнулся.

– Член, говоришь? Про член поговорим тоже, как ты говоришь, чуть позднее. Я тебе материалы дам, посмотри, завтра и поедем, ты сможешь?

– Смогу.

Юргенс вышел и вернулся скоро, с флэшкой и довольно объёмистой папкой.

– В папке мои наброски, кто другой не разберётся, а ты сразу поймёшь. Это хорошо, Илья, что ты... словом, тебя в этом деле мне не хватало, застряли мы с Метлой.

Меня задело немного необычное имя, что он произнёс, будто знакомое что-то, будто что-то отдалённое я уже когда-то слышал, но я решил, что ослышался.

– Хорошо, Вэл, я сегодня ночью посмотрю.

– Как все гении, помалу спишь? – усмехнулся Юргенс, усаживаясь в кресло.

– Как стареющие люди.

– Да ладно, ты вон, хорош, лет на десять моложе своих лет глядишь. Волосы красишь, что ль?.. Садись, ругаться при-

шёл, может?

– Не ругаться, но... расставить надо точки над *i*, прежде чем мы приступим к совместной работе, – сказал я.

– Ну тем более, садись, ты мне родич всё же и... – он опустил пушистые ресницы, вздохнув. – И друг единственный, сволочь.

Я сел всё же, действительно, что стоять?

– Коли так получается, что судьба сводит нас теперь снова, чтобы мы создали вместе, может быть, то, что решит многие вечные проблемы, давай договоримся сразу, как принято, на берегу.

Юргенс поднял светло-синие глаза на меня:

– Согласен, – сказал он.

– Договоримся?

– Определим правила? – он чуть-чуть скривил красивый рот, у меня даже ёкнуло от этого знакомого мне так давно движения.

– Именно.

– Хорошо. Я вижу, ты имеешь уже некую картину в голове, – ухмыльнулся он. – Удивительно, ты только час назад узнал, что тебе предлагается эта работа, а уже всё нарисовалось. Я вот три месяца почти промучился, прежде чем позвать тебя, ё...ря моей жены, потому что понял, что без твоей чёртовой башки, мы не сдвинемся с мёртвой точки. А ты уж всё представил.

Я почувствовал, как вдохновение ярости овладевает

мной. Это он не вдохновлен сейчас, напротив, он ослаблен. Но не мной. Чем-то ещё...

– Так вот, Вэл. Оставим нас двоих и её за пределами работы.

Он долго пристально смотрел на меня.

– Её... даже называть не надо, а? – усмехнулся он. – Идёт, оставляем всё за стенами «Курчатника». Только мозг и работа. В конце концов, не для себя мы работаем. И даже не для денег.

Я засмеялся:

– Может, Нобелевскую дадут?

– Ага! К тому времени окажется, что всё уже открыли американцы, или китайцы, сейчас китайцы в большой моде, – усмехнулся он, кивая. – Теперь-то выпьем?

– Что тебя разбирает сегодня?

– А ты... не всё сказал? – он встал, подошёл всё же к шкафу, за стеклянными стенками которого поблескивали бутылки.

– Вообще-то я не для этого и ехал к тебе, это по дороге дополнилось.

Юргенс посмотрел на меня через плечо, остановившись с бутылкой в руке.

– Не для этого? А для чего? Пожаловаться на Майю? Бросила тебя? – он побледнел, произнося эти слова.

– Нет, Вэл, она бросила тебя.

– Значит нас двоих, – почему-то сказал он как-то горько.

Что с ним? И где Маюшка, семь часов, уже должна быть дома. Мне стало холодно. И тоже захотелось выпить.

– Что стоишь-то, – сказал я, – наливай, дразнит час своей бутылкой.

Он взглянул снова, сегодня от его громадных глаз мне весь вечер тепло, даже жарко. И налил себе и мне по полной рюмке водки.

– Закуски принести?

– Три души вынешь... потом закусим, – сказал я. – Давай, за грядущую работу!

Мы выпили, чокнув тонкими рюмками в бока.

– Давай ещё по одной и я покажу тебе кое-что, тогда и договоришь, что хотел, – сказал Юргенс, переводя дыхание после водки.

Мы выпили по второй за то же. Юргенс сказал:

– Щас, посиди пять сек, принесу.

Я подошёл к окну, пока он вышел из этой большой, но не гулкой, приятной комнаты, мягко ступая своей упругой походкой. За окном двор с плохо очищенным льдом на асфальте, старые корявые деревья со снегом на чёрных ветвях, освещённые дворовыми фонарями, от чего снег кажется где-то голубоватым, фосфоресцирующим будто, как белый цвет в клубных огнях, а где-то золотисто-розовым. Это мне мерещится такая красота, потому что мы с Юргенсом, наконец, как люди говорим? Или потому, что я и он станем вместе работать? Или это счастливое предвкушение того, что я наме-

рен сегодня разрубить проклятый гордиев узел, что душит меня столько лет? Не меня, всех нас троих.

Но пока Юргенс ходил, щёлкнули замки в двери и вошла... Ещё не видя, не зная, наверное, ведь это могли быть ребята, но я почувствовал, это Маюшка. Я подошёл было к выходу из комнаты и застал Юргенса, входящим с раскрытым макбуком в руках. Он тоже услышал звук открывшейся двери и, взглянув на меня, обернулся тоже к передней. Маюшка, должно быть увидела его и сказала:

– Ты дома? Сегодня раньше меня, – негромко сказала она.

Это любопытно слышать, как она говорит с ним, не зная, что я здесь. Будто я подглядываю.

– А ты почему припозднилась? – спросил он.

– Да так... – голос приблизился, она совсем рядом уже, сейчас и меня увидит.

– «Так»? Это интересно, – сказал Юргенс странным голосом. Что он там нёс в своём маке?

– Ничего интересного, – выдохнула Маюшка.

– А я не один. У нас гости, представь. Не поверишь, – продолжил Юргенс.

– Интриги, скандалы, расследования? – усмехнулась Маюшка, повторив, навязчивый слоган.

И увидела меня. Вся ещё холодная, с улицы, щёки чуть с румянчиком, глаза блестят, как всегда, на холоде...

– Ю-Юшка? Вот это да! Ты чего это? – она немного побледнела.

– Работать вместе будем, – сказал Юргенс. – С физиками. Лучшие умы привлекаю. Волков ещё тебя советовал. Но мы с Ильёй решили тебя за стенами оставить.

– Вот так, да? – всё ещё не понимая, радоваться или пугаться, произнесла Маюшка, качнув головой и не глядя на нас.

В отличие от меня, она разулась и стояла без обуви, маленькие ножки в чёрных чулках с выделенными мысочками. Я хорошо знаю её чулки, тем более что конкретно эти подарил я сам. Чёрное короткое платье, свитер успела снять и держала в руках, чуть-чуть разлохмаченная, тонкие прядки чуть наэлектризовавшись торчали во все стороны.

– Что это вы смотрите там? Или не покажете, я – «за стенами»? – она кивнула на макбук, освещавший экраном лицо Юргенса.

– Покажем. Но Илья ещё сказать что-то намеревался, – Юргенс посмотрел на меня. – Или это не при ней?

– Да нет, как раз при ней, – сказал я, уже не глядя на Маюшку, не желая, чтобы она меня остановила взглядом. – Я шёл к тебе, Вэл, сказать, что пришла пора сломать треугольник. Маюшка и я живём параллельной жизнью и это достало уже нас обоих. Так, Май?

Я коротко взглянул на неё. Она на миг оцепенела, но потом выдохнула и опустила ресницы, соглашаясь.

– Ну и что? Меня эта ваша хрень достала ещё больше! – сказал Юргенс. – Что из того, что ты, гад, не делся никуда

за эти годы, что мне приходится самому себе говорить, что тебя нет, когда ты есть!? Что из этого?! Майя моя, мать моих детей, и никто это не изменит!

– Изменит. Хватит изображать, что ты не понимаешь, – сказал я, уже не скрывая злость на эту его странную сегодняшнюю отрешённость.

– Ты так уверен в себе? – усмехнулся он, и поставил свой макбук на стол.

– У меня на это больше оснований, чем ты можешь себе представить, – проговорил я сквозь зубы.

– Ты так думаешь? – он провёл пальцем по клавиатуре. – Ты не знаешь, что наша девочка не только с нами двумя развлекается? – он посмотрел на меня, обернувшись через плечо. И сказал отдельно и с удовольствием, перебирая языком каждый звук: – Хитрая сучка. Хитрая ма-аленькая сучка. Да, Май? Сучка. Всегда была...

– Хватит! – я оборвал смакование, с которым он произносил это слово.

Он снова посмотрел на меня и в глазах мелькнули льдинки.

– Ладно, хватит, – он согласно кивнул и включил какое-то видео, задвигались картинки: Маюшка, такая как сейчас, причёска и... – Кто это, а, Май?.. Кто так свободно лапает и целует тебя? Кто ещё всё время присутствует у тебя между ног? Неужели тебе... не хватает?!

– Помешался ты на видео этих? Что это такое? Слежка? –

воскликнула Маюшка.

– Ну и слезка! – заорал Юргенс, сжав громадные кулаки и потрясая ими в воздухе. – Я двадцать лет рога ношу, и всё подробностей не знаю! Этот явился треугольник разломать. Только у нас не треугольник, а что? – он прошёл туда-сюда несколько шагов, засунув руки глубоко в карманы брюк. – Во сколько углов ты играешь, бильярдистка? Научилась шары катать? Да?!.. Ты, сволочь, учитель первый!

Он страшен в своём гневе, огромный горящий злостью человек.

Но Маюшка, похоже, вовсе не напугана. Она привыкла?..

– Прекрати! – крикнула она. – Это Славка, кофе выпили с ним! Совсем спятил уже?!

– Ага, Славка, кто ещё там у тебя, Петька, Васька? – он сверкнул зубами в желчной усмешке. – Что ты мне вешаешь?!

– Знаешь, что?!.. – прошипела она, будто собираясь что-то сказать.

– Ну что?! Что ты хочешь сказать?! – запальчиво крикнул он в ответ, сверкая глазами. И страсти в этом сверкании было уже больше, чем злости.

– Пошёл ты! – выкрикнула Маюшка, развернувшись и направляясь от нас.

– Не дождёшься! – крикнул ей в спину Юргенс.

– Сама уйду!

– Ага! Кто-то отпустит тебя!

– Можешь не отпускать, я заберу, – тихо сказал я.

– Что?! – он развернулся ко мне, мгновенно темнея глазами, только что сияли как незабудки и вот уже грозовые тучи...

Но меня эти молнии не напугают.

– Что слышал! Я пришёл за этим, – сказал я.

– За чем ты пришёл?! – рявкнул он, и схватил меня за свитер так, что у меня обнажился живот.

Но меня не напугаешь. Я вмазал правым хуком. На этот раз не стал бить в нос, нет, в челюсть...

Юргенс отлетел, но и я чуть не упал из-за того, что он за меня держался. Хрястнул свитер...

– Опять?! – взвизгнула Маюшка. – Хватит! Всё!.. От вас обоих ухожу!.. Паш-шли вы оба!.. «За стенами» вы меня оставили?! И хрен с вами! Я сама не пойду с вами за ваши «стены»!.. Придурки!

Она шарахнула дверью, вероятно, их спальни, дзынкнуло волнистое матовое стекло в двери.

Мы с Юргенсом посмотрели друг на друга.

– Я не уйду, – сказал я, предупреждая его слова.

– Уйдёшь! – злобно кивнул он, всё сильнее чернея.

– Забудь! – уверенно сказал я.

– Уйдёшь, если не хочешь сесть пожизненно, – прошипел он.

– Хорош, тень на плетень наводить! – разозлился я. – Ни при чём я! Отлично знаешь... Да и срок давности давно про-

шёл.

Он покачал головой, страшно сверкнул зубами:

– Срок давности?.. Забудь! Организация банды, убийство трёх человек, взрыв и поджог – это знаешь, как квалифицируется? Это – теракт! Никакого срока давности! Не только ты, вся ваша мотошайка сядет! И она сядет! Я дам показания, что слышал ваши переговоры, все ваши планы...

– Ты – шизофреник!

– Конечно, – радостно усмехнулся он. – Только вас это не спасёт.

Маюшка появилась снова, с сумкой наперевес.

Мы воззрились на неё вдвоём.

– Это... что? Куда это ты? – пробормотали мы оба, опять посмотрели друг на друга.

– За ваши стены! – сказала Маюшка. – И не останавливайте! Достали! Как же достали вы! – сквозь зубы прорычала она.

Восемь секунд, шестнадцать ударов бешено несущегося сердца и хлопнула входная дверь.

– Что... Как это?.. – просипел Юргенс.

Но я знал её лучше. При мне она уже совершала подобные вещи...

– Тот самый гнев терпеливого человека... – проговорил я.

Я сказал испуганно, сила её моментальных решений пугает меня всю жизнь.

– Что?.. – он нахмурился, весь белея.

И вдруг как отпущенная пружина, он сорвался с места. Я

остолбенел. Убьёт её, мелькнуло во мне...

Я шагнул было за ним. И услышал, как она тихо взвизгнула где-то. На лестнице? Убьёт точно...

Нет, он вернулся с ней, брыкающейся, переброшенной через плечо, как мешок. Он спустил её на пол, глядя на меня горящим взглядом.

– Уйди! Уйди сейчас или шею сверну ей! – прорычал он.

Он прижал её к себе лапищами, и правда, держа за шею, под распутившимися волосами.

– С-спятил...

– Сверну шею у тебя на глазах!

Огромная ладонь, она забилась, толкаясь.

– Пусти!

– Отпусти её!

– Уйди! – от его вопля дрогнули зеркала...

– Отпусти из рук, и я уйду! – просипел я, чувствуя, что останавливается сердце.

Он сомневался полмига, не больше. Той же ладонью, оттолкнул от себя легонько, но не ко мне, к стене за себя. Я взглянул на неё, ожидая в её глазах увидеть, что мне делать дальше. Но она не смотрела на меня, опустив голову, волосы скатились на лицо.

– Май... – прошелестел я.

– Иди к чёрту...

Услышав её слова, Юргенс просиял победной усмешкой.

– Слышал? Вали давай!

– Май... – я не могу поверить, что должен уйти так.

– Вали, сказал! – проорал Юргенс.

Но вдруг обернулся, будто опомнился:

– Завтра в десять на площади Курчатова, у проходной!..

Человечество ждёт твоих свершений!

Часть 21

Глава 1. Магнус и победитель

Я мог ожидать чего угодно в своей засаде, но только не этого. То есть Лариса рассказывала, что отец влюблён в мать как школьник и это почему-то раздражало её, так и говорила: «смотрит на неё, как ручной пёсик, и совокупляются беспрерывно, надоели!», но я не думал, что у них в семье кипит такая страсть. Тем более, я не мог подумать, что такие запутанные и волнующие тайны.

А ведь это тайна... Как Майя назвала этого, «Ю-Ю»... Лариса никогда не говорила, что дядя Илья, которого её мать называет странным именем «Ю-Ю», в действительности её любовник. Стало быть, Лариса этого не знает...

Это зазвенело в моей голове, как колокол, вот они ключи, которыми я открою двери этой странной крепости. Ох и странной... А орут-то! Перед этим разговаривали, как друзья, о Курчатовском институте что-то, но едва она явилась... О-О! Это же... Может денег с них со всех срубить под это дело? Что расскажу, этим их прекраснодушным деточкам о том, какие связи опутали их троих... А с неё ещё и... Даст, куда денется. Все дадут...

О, Боже, ещё и подрались!.. И... что он говорит? Банда...

убийство?.. Так тут не просто скелеты, тут целый Клондайк тайн. Это клад какой-то... Вот так посиди тайком пару часов и в любой приличной семье такое найдётся! Ну, и ну...

Когда она убежала, я думал, всё кончилось, а как ещё?.. Оказалось, и тут я ошибся...

... Я обернулся к Майе, едва Илья, не имея возможности поступить иначе, ушёл. Чёрное платье выше колен. Почему-то я его не помню... духами пахнет, кожей своей чудесной... Я протянул руку.

– Не вздумай! – проговорила она зло.

– Что?! – такого ещё не было.

Я схватил её и сорвал платье в одно мгновение... Майя выставила руки было, но сопротивление я преодолел почти так же быстро, как справился с платьем. Туда же за платьем и трусики, чулки ещё никому не мешали...

– Дурак!.. – бессильно вскрикивала Маюшка. – Чёртов дурак,пусти!

Я кончил почти сразу, вся эта ссора, драка ужасно завела меня. Где мы, на полу... я поднялся и наклонился к ней.

– Идём...

– Иди к чёрту.

– Ладно тебе... Идём, – сказал я, касаясь её, обнажённой, влажной кожи.

– Отстань! – она оттолкнула мою руку. Ещё завести меня хочет. Мне было мало. Мне всегда мало, но когда она вот так злится, я теряю разум...

...«Совокупляются без перерыва», я не поверил Ларисе. Никогда не верил, что в таком возрасте... Но услышал звуки, уже не мог удержать от того, чтобы подсмотреть, я выглянул из комнаты, тихонько приоткрыв дверь...

Я думал я виртуоз, эротический эквилибрист, но я даже не стажер, даже не салага. Этот Валентин Валентинович уроки мог бы давать... Вот это да...

Она не хотела, отталкивала его, но он... со вздохом наслаждения прижался лицом... Несколько мгновений и... Она застонала, выгибаясь. Мастер.

– Ты хочешь?.. хочешь ещё?.. – громко прошептал он, поднявшись к её лицу.

Она кивнула, глядя ему в лицо. Но этого ему было мало:

– Скажи! Скажи!.. Я хочу слышать! – взмолился он.

– Да! Да... ещё...

– Любишь меня?! Ты любишь меня? – прошептал он снова.

– Да...

– Скажи! Скажи мне!

– Да-да! Люблю...

Что же они на полу-то... прямо у дверей гостиной, той самой, что стала сценой для сегодняшней драмы, теперь драма стала эротической... И кончили оба вместе... Но и на этом не закончилось действие...

Они переместились в спальню, но дверь осталась открытой, им было не до того...

Я вышел из комнаты и тихонечко проследовал за ними, не веря, что они продолжат. Ну и мужик...

Но она... теперь я знаю, как она занимается любовью. И что...

– Ты что это делаешь здесь?!..

О, Боже... Родители не видели меня, но их дочь вошла и застала меня в самом что ни на есть позорном положении. Запалился...

– Я...

Лариса подошла и закрыла дверь в родительскую спальню, куда я так увлечённо заглядывал, что даже не услышал, как она пришла...

Её нахмуренное лицо и весь вид, сейчас мне казалось, что мамаша тут она, а не эти двое.

– Ты что, извращенец?

– Ну... это ты, похоже, привыкла, а я... – попытался пошутить я.

– Так вот, что ты так интересовался моей матерью! Запал!? На неё запал?! Я-то думала, мне кажется. Думала... а ты...

– Ларуся!.. – начал было я, желая её успокоить, но Лариса, которую мне до сих пор удавалось обмануть и использовать так, как мне хотелось, как мне было нужно, вдруг «прозрела», и увидела, что я не только не влюблён, но что я даже не очень увлечён ею.

– Для этого и дома остался! А я-то думаю... Думал её одну

застать?! А не тут-то было, да?!

– Ларуся, ну что ты?! Что накручиваешь?

– Пошёл отсюда!

Ну знаете ли! Какая-то соплячка будет меня вышвыривать?! Ну-ну, давай. Если бы не твоя мамаша, я свалил бы давным-давно. Но теперь и её я поймею и тебе отомщу жестоко. Детям очень больно узнавать такие тайны, какой овладел я...

Поэтому я выпрямился и сказал:

– Как скажешь, зая. Не хочешь больше, не надо, оставайся со своими озабоченными предками. Я думал, ты преувеличиваешь, а они ещё хуже...

– Иди, давай!

– Пойду, – я зашёл в её комнату, где оставил свою куртку. – Приятно было познакомиться. Смсь, если станет скучно, зажжём!

Лара, как надсмотрщик смотрела на меня, сложив руки на груди и строго сверкая светлыми глазами, пока я не ушёл. В дверях я столкнулся с её братцем. А ведь он... так похож на этого, как его там... на Ю-Ю! Вот это да!.. Как интересно у вас закручено всё.

Может, в сериалы сюжет продать?.. Но сначала я с них со всех поймею то, что мне надо. Хороший будет навар. Может бизнес на таких семейных тайнах основать? Ведь можно подняться. Если семейка зажиточная... Это я удачно попал.

И удачная идея пришла мне в голову. Так что спасибо,

Ларочка, что познакомила меня со своими странными родственникам.

... я едва не натолкнулся на выходящего Григория. И увидел Ларису в конце коридора, бледную и злую, как никогда раньше. Как вообще никогда.

– Что с тобой? Что случилось? – спросил я Ларису, имея желание только принять душ и лечь спать. Сегодняшнее сидение в анатомичке меня пришибло.

– Случилось... – у Ларисы дрогнул подбородок.

– Лар... – я хотел её обнять, мы всегда были близки и обниматься было у нас в порядке вещей. Бывало, что кроме меня некому было её утешить, потому что родители отсутствовали дома: дежурства, работа...

Но сегодня всё было не так, сейчас они были дома. Это, во-первых. А во-вторых: Лариса не захотела, чтобы я её обнимал. Она развернулась и ушла в свою комнату. И даже не вышла до утра. Ни ужинать, ни ванну принять. Но ужинать и мама не вышла. Только отец. И то, есть не стал. Застал меня одного на кухне, включил чайник.

– Мама спит?

Он кивнул, улыбнувшись, щуря ресницы. Ему почему-то приятно, что она спит. В белой футболке и пижамных штанах, в которых он ходил перед сном или по утрам, надевая вместо халатов, он такой уютный и мягкий, будто мудрый пушистый кот, щурится, вибриссы топорщит, кажется, я даже слышу мурчание.

Чайник зашумел, набирая силу звука. Я доедал холодную котлету и размышлял, съесть вторую или нет.

– Ты сегодня в Курчатовский не ездил?

– Нет. Завтра поеду.

– Рассказал бы хоть, что вы там придумали.

– Будь ты хотя бы на третьем курсе... А хотя... Попробую...

Чайник щёлкнул и замолчал, а пузырьки продолжали подниматься струйками, похожими на стеклянные бусы ото дна кверху, волнуя поверхность воды.

– Вот вообрази...

И отец начал рассказывать мне поначалу понятно и не торопясь суть их работы, как на непостижимым образом сделанный каркас, с помощью синхротрона... вот тут-то и начались проблемы. Через несколько мгновений он понял, что я упустил нить повествования.

– Ладно, Саня, ты устал, я тоже пойду спать, поговорим как-нибудь ещё. А может и съездим вместе, как будешь на каникулах, – сказал он, вставая.

Залил в колебасу с мате кипятку, и направился к себе в кабинет. А я заглянул в комнату к Ларисе и с удивлением застал её плачущей.

– Господи, да что случилось, Лар?

– Уйди!

– Лар, ну ты что?

Лариса приподнялась и бросила в меня меховой думкой,

каких у неё тут было восемь штук разного цвета, ей это казалось уютным и стильным.

– Уйди, говорю!

Пришлось закрыть дверь, чтобы не поймать подушку в лицо. Поссорилась с Григорием, несомненно. Ладно, ерунда, помирятся.

... Мои дети спят, моя жена спит. Покой и умиротворение спустилось в мой мир. И даже больше: мой мир сегодня сотрясся и стал ещё гармоничнее и краше, потому что я вернул в него Илью.

Илья. Столько лет и ты всё надеешься отобрать у меня Майю. Отнимал каждый день и вознамерился отобрать совсем. И как уверенно говорил. Вот только не рассчитал ты, что Майя моя. Как бы ни любила тебя, вернее, как бы ни думала, по привычке, что любит, но она моя по-настоящему. И никому её у меня не забрать.

Я вернулся в спальню, чувствуя себя счастливым, как никогда, наверное.

А наутро стало ещё лучше. Я ушёл ещё до того, как Майя встала, только лохматую Ларису застал входящей в ванную. Я уезжал рано, надо было заехать в «Пятнашку», и успеть к десяти на «Щукинскую».

На моё «Доброе утро!», Лара буркнула что-то вроде: «Ни хрена доброго не вижу... Но тебе доброго!»

Это было удивительно, обычно она приветлива со мной, даже ласкова, обнимает, улыбается. Почему не сегодня?

Но... вечером разберёмся. Или завтра...

Я подъехал к проходной в Курчатовский без опозданий. Даже за десять минут до десяти. Я в первый раз на этой дороге, поэтому и выехал с большим запасом. Я не люблю навигаторы, поэтому вначале сориентировался по карте.

Всю ночь, всё это утро, всю дорогу сюда я думал о том, о чём не мог не думать: что произошло вчера. Что сказала Маюшка, как смотрела, она никогда не произносит слов напрасно, даже со злости, даже в сердцах. И если она сказала, что уйдёт, значит так и будет. А вот Юргенс, похоже, этого не понимал, он уверен в себе, уверен, что... Впрочем, я не хочу размышлять почему Юргенс так думает...

У него был чрезвычайно счастливый вид, когда он вылез из своего вольво, увидев меня.

– Машина у тебя, как у настоящего пижона, Magnus.

– Почему, «как»? Я и есть пижон. Как и ты со своими Armani и Hugo Boss. Так что не выделяйся.

– Гуччи забыл ещё. Ремень мне привёз когда-то, помнишь? – он обернулся, пикнув электронным ключом и протягивая мне вчерашнюю, оставленную мной его папку.

– Помню. Из Страны Восходящего Солнца надо было привезти меч для сеппуку.

– Вначале я бы тебе башку снёс этим мечом.

– Ничё, я бы увернулся.

– Привык уворачиваться, морда.

Но он не зол, он счастлив сегодня. Он думает, что победил, он не знает, как сложно вернуть Маюшку. Я знаю, я делал это уже не раз. Меня не победить никому. Единственный, кто мог всерьёз стать моим соперником, слава Богу, исчез в дали времени.

Он протянул мне руку.

– Что ж... Ты приехал. Значит, ты хочешь работать со мной. И значит... – сверкнув глазами, сказал он.

Я пожал его тёплую, крепкую ладонь. Он ещё не знает, что не победил... Мы оба проиграли. Но я знаю, как вести осаду, он – нет. Он взял когда-то нахрапом, пусть попробует повторить.

– Мы подошли к стенам, – сказал я.

– Ну да, – усмехнулся он, кивнув.

Юргенс постарел, хотя был хорош по-прежнему, может и лучше в чём-то, очень красивый породистый волк. Сегодня при свете светло-серого неба я мог лучше разглядеть его. Поседели виски, наверное, поэтому он совсем коротко стрижёт волосы. Огромные светло-голубые глаза сегодня отражали бесснежное небо, он был почти весел. Победителем себя мнит. Ну что ж, почти двадцать лет его колено на моей груди...

– Идём? Буду твоим Вергилием, – сказал Юргенс, направляясь ко входу.

Он и правда сегодня счастлив. Мне кажется, в этом зимнем свете я вижу сияющий венец на его голове.

– Надеюсь, мы спускаемся не в ад, – усмехнулся я.

– Не надейся, – хохотнул Юргенс, взглянув на меня.

Мы прошли через замысловатый пропускной пункт, где записали мои данные, сварганили для меня пластиковый пропуск за несколько минут, даже с фотографией, сделанной тут же, вернее, снятой с изображения камер.

Наконец, мы вошли на территорию.

– Ты предупредил, что приятеля притащишь? – спросил я.

– Дал лучшие рекомендации, не переживай, – усмехнулся Юргенс, вглядываясь вдаль, очевидно ожидая кого-то. – У тебя что по физике в школе было?

– «Пять» было. Я серебряный медалист.

Юргенс усмехнулся, посмотрев на меня:

– Ну да, я и забыл, что ты «ботан»!

– Я не «ботан», я сынок директора школы, – сказал я, засовывая руки поглубже в карманы, всё же зябко. – Что-то опаздывает физик твой.

– Гении не бывают пунктуальны.

– Ты прям влюблён в него, я смотрю, – засмеялся я.

А Юргенс несколько не смутился:

– Я думал, только ты такой умный, Magnus, но оказалось, есть ещё. Правда, мы всё равно не справились без тебя.

Я усмехнулся этому Magnus`у, которого он вставлял второй раз. И вижу, что не с целью уколоть меня, как когда-то. Ну-ну, ты великодушен, потому что счастлив сейчас. Я посмотрю на тебя завтра...

Я проснулась позднее обычного, первая мысль была позвонить Славе. Надо же, только поговорили... Мышцы боле-ли, и спина, должно быть, ободралась об пол, но эти ощущения только придавали мне убеждённой решительности. Да, вчерашнее подтолкнуло меня к тому, что давно надо было сделать. И всё же...

Теперь только я поняла, почему медлила. Уйти к Ю-Ю, кажется, это было единственной мыслью, что владела мной все эти годы, но то, что он так грубо вмешался в моё решение, стало как удар в лицо. Я нашла бы момент поговорить с Вальтером и устроить всё для всех, чтобы это не превратилось в слом и драму. Слишком много людей, чувств перемешаны, сплелись за эти годы. Поговорить с детьми, с Мартой Макаровой, с Таней даже, чтобы не оставляла Вальтера, вот что я хотела сделать в ближайшие недели.

Дети успешно учатся, Лариса увлечена молодым человеком, правда, дрянным, но иногда это лучше, чем в юности встретить свою судьбу и не узнать её. Вальтер сейчас увлечён работой так, как никогда ещё не был увлечён, и всё это вместе создавало благоприятный момент для развода. И вот Ю-Ю как лавина, несущаяся на мою аккуратную и продуманную выстроенную дорогу. Драка эта глупая опять... И работать вместе вознамерились. А меня решили «за стенами» оставить. Превосходно. И оставайтесь теперь вдвоём за своими стенами!

Вальтер, привыкший всё решать сексом, Ю-Ю, знающий, что я дня в своей жизни не жила без него, как два паука, сосущие одну муху. От меня почти ничего не осталось. Я вся ушла на то, чтобы их двоих делать счастливыми, спокойными, удовлетворёнными. Построить и сохранять мир моих детей. Что я сама такое? Мать, жена, любовница, но меня самой нет между этими тремя женщинами...

А есть я вообще? Кто я? Мне сорок три года, но я так и не поняла до сих пор, для чего я пришла в этот мир. Родить детей? Помочь нескольким тысячам человек родиться. Тоже немало, конечно.

Но почему мне кажется, что это не всё? Что всё-таки мало? Что я что-то не доделала? Вальтер, возможно совершит прорыв в науке в ближайшее время, Ю-Ю уникальный врач. А я? Что я? Женщина, на которой они зациклились только потому, что соперничали. Вот и всё. Пора уйти, дать вздохнуть обоим. И начать дышать самой.

Но как уйти теперь же? Вот так, пока все на учёбе и работе?... Боже, невозможно...

Я встала с постели. Господи, будто били... На часах уже восемь, вот чёрт, я проспала! Все ушли уже должно быть. Колени, локти в ссадинах, вот глупость, ещё увидит кто...

В ванной обнаружился и на шее синяк, Вальтер, ты же никогда засосов не ставил...

– Мам!.. – Лара заглянула в ванную, думая, что никого уже нет, я не заперла дверь.

– Погоди... – но я не успела спрятаться под халатом.

Ларисино лицо отразилось в зеркале: вначале глаза округлились, потом дрогнули ноздри, а потом и вывернулась верхняя губы, пряднув, будто моя дочь сейчас раздавит таракана... Рядом с ней, большой, светловолосой, гладкой, похожей на яблоко белого налива, я кажусь тощим заморышем, цыплёнком из советского магазина с синими коленками...

– Ты... – её голос дрогнул. – Ну ты... Как вы осточертели... как сука с кобелём, тьфу!.. Скотный двор, старые уроды... Достали!

– Лара... – не могу даже представить до чего ей всё это противно... – Извини...

– Извинить?! – Лара выскочила, хлопнув дверью.

Я поспешила за ней, запахивая халат плотнее, что, если и Саша ещё дома?..

– Лариса... – я хотела было сказать, что не стоит судить близких так строго, что...

Но моя дочь зла на что-то совсем другое.

– Ты нарочно это? Ты нарочно совокупаешься у всех на глазах, чтобы молодых любовников ловить?!

– Ловить? – я растерялась.

– Я знаю всё! Что Гриша интересуется тобой! С первого дня... Уже переспала с ним? Это круто, хайп – мужик на пятнадцать лет моложе! Что, скажешь, нет?! И папашу это возбуждает, похоже?!

– Не смей! – воскликнула я.

Это пренебрежение к отцу возбудило мой гнев, почти как вчера, я никогда раньше не злилась так, тем более на дочь... Лара всегда уважала, даже почитала и обожала отца, даже больше, чем меня и что могло её вот так развернуть к нему, к нам обоим.

– Не сметь? Ты ведёшь себя как шлюха! – срывающимся голосом вскрикнула Лара.

– Не смей!

Я дала бы ей пощёчину, если бы представляла, как это, ударить кого-то по лицу.

– «Не смей» – презрительно усмехнулась Лара, злобно кривя губы. – Ты трахаешь моего парня, а я должна чего-то не сметь? Да пошла ты! Шлюха! Шлюха! Мерзкая шлюха-извращенка!

От последнего слова я вздрогнула. Я будто слышала уже эти слова. Они будто камнепад обрушились на меня. Как ремень отца когда-то... И я могла сейчас только одно, как и тогда, только закрыться руками и заплакать от боли и безысходности. На несколько минут я ослепла и оглохла.

Хлопнула входная дверь... Ещё никогда я не чувствовала себя так в этом доме. Я думала, мы живём счастливой, гармоничной семьёй, где все друг друга любят и понимают, где все счастливы и спокойны, а оказывается, я предмет стыда и презрения для моих детей. Как когда-то была для моих родителей, для моего класса, моей школы, всего моего города...

Глава 2. Антанта

Юргенс заметил вдалеке приближающуюся чудную машинку. Именно машинку, как игрушечную, тупоморденокую. Гольф-мобиль, что ли? Забавно...

– Ну, вот и наш напарник из мира Физики, – сказал Юргенс.

Я усмехнулся, и опять посмотрел на приближающийся автомобильчик. И... Ну нет... Это уже слишком...

О том, что нам нужен третий человек в команду Юргенс заговорил неделю назад после сотен серий неудавшихся опытов, когда мы с ним, казалось, не просто упёрлись в стену, а стена буквально выдвинулась навстречу нам, тоже набычившись, как живая.

Ничего не получалось. Вначале мы меняли клетки, пеняли на генетику, брали донорские, от животных, выращенные из стволовых. Потом мы меняли параметры при конструировании каркаса, потом поле, в котором росли клетки каркаса, потом культуру ворсинчатого эпителия, потом...

Ничего не получалось. Труба или вообще не функционировала, или опять вела себя как кишка, или спазмировалась.

– Нам нужен ещё один человек, – сказал Юргенс.

– Человек... Тут я не знаю, кто нужен. Гений прозрения какой-нибудь. Нестандартный человек. Чтобы не как ты или

я... – ответил я.

Мы сидели перед стеклом, где в стотысячный раз забракованная труба будто смеялась над нами, повиснув дурацким отростком на держателях. На несколько мониторов воспроизводилась наша очередная неудача, снятая под всеми возможными ракурсами в этой камере макро- и микроскопически.

– Василий Андреич, можно я сегодня пораньше уйду, мне за дочкой в садик.

Я взглянул на Машу, симпатичную и тихую девушку, пришедшую в нашу лабораторию месяца три назад. Может, роман с ней завести? И стану гением прозрения? Совсем забыл, как это в грязи валяться, иногда можно, наверное...

– Идите, Машенька. До завтра, – сказал я, чувствуя себя великодушным и добрым.

Мой медицинский напарник тоже сидел молча весь день, удручённый уже привычными неудачами.

– Есть у меня такой гений прозрения и... И вообще, – Юргенс усмехнулся самому себе, щуря пушистые ресницы. Вот тоже среднерусская белёсая порода, как и я, а ресницы вон какие... Все бабы его, небось.

– Так зови своего гения, – сказал я, опять чувствуя себя чуть ли не Гудвином.

Юргенс посмотрел на меня.

– Бесплатно никто не работает.

– Ты же работаешь почти бесплатно, – напомнил я, что

ставка его как консультанта комично мала.

– Я – за идею.

– А гений твой, думаешь, за идею не пойдёт?

Юргенс кивнул, смеясь:

– Пойдёт, такая сволочь... тоже дурак идейный, из таких же, как мы с тобой, пионеров.

Я улыбнулся. Хорошо, что остались ещё такие советские дураки, кто готов за идею, а не за гранты жилы рвать. Так значит всё получится у нас.

– Ты зови. А денег найдём. Сейчас уже так не жадятся, как когда-то, – сказал я, – на бутер с маслом хватит твоему пионеру.

Это было меньше недели назад. И вот сегодня Юргенс привёз его. Я отправился их встретить не без небольшого волнения, всё же новый человек, даже возбуждение некое чувствую. Юргенс так говорил о нём, что мне представился какой-то вовсе необыкновенный человек.

И вот я ехал встретить их. И увидел их издали. Я узнал его сразу... Неужели это может быть? Боже, ты смеёшься надо мной? Ты решил так подшутить, чтобы мне не пришло в голову чувствовать себя хоть в чем-то, хоть на миг равным тебе?

Столько лет... Пока я обретался возле бандитов, сколько раз меня подмывало обмолвиться, что есть у меня враг, человек, которого мне хотелось бы... Ох, не хочу даже вспоминать, какие я рисовал себе картины расправы над ним. Что

там «Дорожный патруль» тех времен...

И вот, единственный, кто может мне помочь закончить эту работу, ставшую смыслом жизни последние несколько лет, единственный – это он, Илья Туманов.

Вот он. И не изменился почти. Волосы не поредели даже, а ведь он старше меня... на сколько? Лет на восемь? Я узнал его сразу по тому, как он мотнул головой, отбросив эти гладкие волосы за плечо... короче носит теперь, чем тогда.

Он вглядывался в меня, подъезжающего на нашем «бобике», и узнавал не мигом, как я его, я всё же изменился сильнее...

Но узнал. Его лицо стало резче с возрастом, но всё тоже, нетривиальные черты: резкие скулы, сильный подбородок, прямой нос, очень светлые глаза... расширились от изумления. Да-да, узнал меня...

– Ну, здорово, – сказал я, остановив машинку и спуская ноги на бетонные плиты покрытия.

– Ты?.. – просипел, вдохнув Илья, белея лицом, даже как-то отшатнувшись.

– Я, – сказал я с удовольствием. – А что же? Ты думал, я помер? Так нет, живой, как видишь.

Теперь Юргенс раскрыл рот, изумлённо глядя на нас.

– Вы... что... знакомы? – он моргнул, открывая рот, почти по-детски трогательно.

Илья посмотрел на него. И я тоже.

– Это её муж, – сказал Илья.

Он сказал это и мне, и Юргенсу.

– Муж? – повторили мы с Юргенсом теперь уже вместе посмотрели на Илью. – Чей муж? – как идиоты хором спросили мы.

– Майи, – он и ответила нам обоим.

– Вася?.. – проговорил Юргенс и перевёл на меня глаза человека, увидевшего НЛЮ.

Илья засмеялся:

– Вася. Именно он. Настоящий Маюшкин муж. Никто не разводил их... Или ты развёлся? – он взглянул на меня.

– Нет... – выдохнул я, ничего не понимая, теряя связь с реальностью. – Но... ты сказал... ты и о... Не ты Майкин муж?

Это уж...

– Он, – Илья кивнул на Юргенса.

Илья смеялся всё веселее, почти гомерически, на нас уже оборачивались все, кто проходил мимо.

– Ты женат на Майке? – я посмотрел на Юргенса.

Но Илья ответил за него:

– Вы оба женаты на Майке! – продолжая хохотать, он уже сложился вдвое. – Оставили мы её «за стенами», а, Вэл?!.. Господи Боже... Это же надо, из всего Курчатника, из всего мира ты нашёл именно его, Метелицу!

Юргенс тоже перевёл взгляд на меня, и мы смотрели так друг на друга, слушая, как потешается Илья.

– Сколько вы работаете вместе, неужели за это время, ты

ни разу не рассказал Маюшке о нём? Имени не назвал? – продолжал смеяться Илья, задыхаясь. – В гости надо было пригласить!.. Ох, я не могу!..

Юргенс побледнел и сказал мне:

– Может, убьём его?

Мы оба повернулись к Илье, и правда чувствуя желание свернуть ему шею. Но Илья так же весело и смело смотрел на нас, утирая слёзы смеха со своих светлых ресниц.

– Ладно, убиватели нашлись, тоже мне. Чё вам меня убивать? Вы теперь между собой разберитесь. А лучше пошли работать. Бабу делить собрались что ли?

Работать... Вот это да. Мы ведь и правда работать собрались втроём.

– Антанта, ни дать ни взять, соратнички, твою мать. Каждый другого готов по горлу полоснуть... – снова прыснул Илья.

– Не обобщай, Magnus, – прошипел Юргенс.

На это Илья снова засмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.